

Владимир Положенцев

СПАСТИ РЮРИКА

Путешествие членов клуба
«Желтый карлик» в несколько эпох

Владимир Положенцев

Спасти Рюрика

«Издательские решения»

Положенцев В.

Спасти Рюрика / В. Положенцев — «Издательские решения»,

Где спрятана библиотека Ивана Грозного, кем был родоначальник царской династии Рюрик? Кто такие руси? Кто готовил покушение в Турции на барона Врангеля, которого эмигранты называли новым Рюриком, и как удалось его спасти? Обо всем этом вы узнаете вместе с членами клуба любителей астрономии «Желтый карлик», отправившись в путешествие в несколько эпох.

© Положенцев В.

© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Часть II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Спасти Рюрика
Путешествие членов клуба
«Желтый карлик» в несколько эпох
Владимир Положенцев**

© Владимир Положенцев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Пояс Златовласки

Заседание клуба любителей астрономии «Желтый карлик» проходило в актовом зале бывшей ткацкой фабрики. Ежемесячное мероприятие было в полном разгаре. Ожидали приезда представителя Роскосмоса, что придавало собранию особую значимость. Доклад о влиянии НЛО на земную цивилизацию заканчивал известный уфолог Даниил Пантелеймонович Закамский. Он же отставной прапорщик войск ПВО.

– Поэтому, – тыкал он шариковой ручкой в мелкие, но обширные схемы на ватмане, прикрепленном к трибуне, – можно с уверенностью сказать, что метеороид в окрестностях Челябинска был сбит кораблем пришельцев из созвездия Тау Кита.

Любители загудели, начали бурно переговариваться. Златовласая и довольно привлекательная, несмотря на возраст, председательница клуба Вера Игнатьевна Крупицина, бывшая когда-то парторгом этого ковроткацкого предприятия, ударила карандашом по графину:

– Если у кого-то есть вопросы, просьба оформлять свои мысли конструктивно.

– Чем же сбивали? – недоверчиво вскинул руку пожилой студент института пищевой промышленности Слава Янсон. – Атомной ракетой, лазерным лучом или антигравитационной пушкой?

– Напрасно иронизируете, молодой человек, – обиделся докладчик. – При весе суперболида приблизительно в 80 тысяч тонн и скорости 30 километров в секунду, мощность взрыва в атмосфере составила 1,2 мегатонны в тротиловом эквиваленте. Используя эмпирическую формулу, – нервно постучал Закамский чернильными костяшками пальцев по схеме, – где t – период сигнала с максимальной амплитудой, мы приходим к выводу, что взрыв должен был бы быть как минимум в полтора раза слабее. Откуда же взялась дополнительная энергия? Только от постороннего воздействия на объект. Именно поэтому в тот день 15-го февраля очевидцы наблюдали под Чебаркулем, а также над территорией Казахстана несколько неопознанных летающих объектов.

– Предположим, – не отступал Янсон. – Но с чего вы взяли, что корабль прибыл из Тау Кита?

«Из того, что спутники Юпитера и Сатурна вращаются синхронно», – съязвил кто-то на галерке.

– Напрасно иронизируете, – повторил докладчик, видимо, часто используемую фразу. – Откуда же еще? Альфа Центавра Б, конечно, к нам ближе, всего-то четыре с половиной световых года. У двойной звезды есть планеты земного типа, но они находятся в адских условиях. Пять же спутников Тау Кита прекрасно себя чувствуют в поясе Златовласки. То есть, в так называемой живой, благоприятной для жизни зоне.

– Ну, это еще не доказательство, – разочарованно махнул рукой студент.

– А оружие, – разошелся не на шутку Закамский, – могло быть и антигравитационным. Да. На основе темной энергии.

В зале уже никто не шумел, но председательница на всякий случай вновь позвенела по графину, окидывая суровым взглядом разношерстную публику:

– Кто еще желает? Нет желающих. Спасибо, господин, Закамский. Я думаю, наука еще разберется, кто взорвал Чебаркульский метеорит. Теперь давайте перейдем к теме астероидной и кометной угрозы из облака Оорта.

– Подождите, – поднялся высокий молодой мужчина со второго ряда с краю. – Я хотел бы кое-что уточнить. Для чего вообще пришельцам нужно прилетать к нам на механических, я хотел сказать, материальных аппаратах?

С удовольствием приняв очередной вызов, Закамский зажал у живота указку, словно нормандскую пику. Окинул взглядом блондина с непослушными волосами, твердым подбородком и ироничными глазами. Этот так просто не отлипнет.

Даниил Пантелеймонович изобразил на своем остроугольном лице цвета марсианской пустыни саркастическую улыбку, вывернул по-птичьи голову, блеснул мощными, как телескопы, очками:

– Не понял вопроса.

– Все вы поняли, – выбрался в проход между рядами мужчина. Прямая рукой упругие волосы, но они тут же приняли прежнюю форму.

– У нас принято представляться, – грозно вскинула брови Крупицина и отчаянно высморкалась. Она была простужена и мечтала о шерстяных носках и стакане горячего молока с медом.

– Александр Гринвич, врач. Уролог.

В зале раздалась смешки. «Адресом не ошибся?»

– Для тех, кто не расслышал. Чтобы преодолеть межзвездное пространство, цивилизация должна находиться на очень высоком уровне развития.

– Бесспорно, – кивнул докладчик, напряженно ожидая подвоха.

– Допустим, что жителям одной из планет Тау Кита удалось создать околосветовые или даже сверхсветовые технологии для звездолетов. Но если это так, их цивилизация давно живет в виртуальном мире. Даже нам, чтобы узнать, что происходит, например, в Австралии, не обязательно туда лететь. Для этого есть Интернет.

– Вы хотите сказать...

– Именно. Если бы у них появилось желание нам помочь, они сделали бы это на расстоянии. Им незачем перемещаться в пространстве на титановых консервных банках с антигравитационными, или какими-то еще, двигателями. Мы бы их просто не увидели. Они давно уже виобры.

– Кто?

– Виртуальные образы. То есть, все разговоры об НЛО просто чушь. Соответственно и ваш доклад полная ерунда.

– Позвольте, – взвился Закамский, – но тысячи, десятки тысяч очевидцев видели и продолжают повсеместно наблюдать неопознанные летающие объекты. Против этого факта не попрешь!

– Ионосферные явления, – не отрывал прямого взгляда синих глаз от уфолога молодой мужчина. – Два варианта. Либо цивилизации в нашей галактике начали развиваться в одно и то же время и у них, как и у нас, нет еще возможности перемещаться от звезды к звезде, либо они ушли в своем развитии так далеко, что, повторяю, живут в виртуальном мире.

– Вы сказали об Австралии, – взял указку уже как саблю уфолог, – но через интернет ничего нельзя изменить на этом материке. Попробуйте хотя бы прекратить дождь.

– Пока нельзя. Когда над континентами появятся специальные ретрансляторы с силовыми установками, реально будет все. В том числе, сшибать метеориты. Хотя это глупость, уничтожать их в атмосфере. Астероиды и кометы нужно ликвидировать на дальних подступах к планете. Вы же прекрасно это знаете. Не исключено, что когда-то пришельцы были у нас и сделали ретранслятором Луну. Но не факт, что именно они сбили небесного странника под Челябинском. Метеороид рванул под действием атмосферы.

– По-вашему получается, что вся разумная вселенная – виртуальный мир? Живет в компьютерном пространстве? А люди тогда что? Для чего? – поджал капризные губы Закамский.

– Жизнь зарождается в материальной среде, на планетах. Развивается, а потом цивилизация присоединяется к общему виртуальному миру. Или галактики или всей вселенной в целом,

не знаю. Люди уже прикоснулись к вирталу. Лет через тысячу, максимум через полторы с нами установят контакт, и мы окончательно в него погрузимся.

– И в этом вашем виртале обитают обезличенные, ни к чему не стремящиеся, безнравственные пиксельные существа?! – кричал как на свадьбе Закамский. – Интернет абсолютно безнравствен!

– Отчего же? Нравственность можно и нужно соблюдать везде. Кто к этому стремится, тот и нравственен. Думаю, высокодуховность – первый закон пространства. Виртуальный мир вселенной – единый банк божественного, если использовать нашу терминологию, разума, но личность там не размыта, она существует.

– Повторяю вопрос, для чего мы на Земле?

На некоторое время в зале повисла электрическая тишина. Даже председательша больше не стучала по графину. Она вжала плечи. В глазах бывшего парторга горел яркий огонь Тау Кита.

Наконец мужчина заговорил:

– Каждый человек – бог. Ограниченного действия, конечно. Мы можем распоряжаться своей судьбой, а при желании и упорстве повлиять на судьбу всей планеты. Это уже немало. Ни один бог не всесилен, так как пространство безгранично. Над кем-то всегда найдется кто-то. Непреложный закон природы, действующий везде. Человек существует для того, чтобы рано или поздно стать более сильным богом. Виртуальным. Вернее, частью единого всеобъемлющего разума.

– А как же в таком случае религия? Она трактует бога совсем иначе.

– Законы вселенной незыблемы. Можете молиться хоть два года к ряду, но если спрыгните с двадцатипятиэтажного дома, результат будет однозначный. Мозг не любит противоречий. Он их боится. Потому что противоречия выбивают мозг из равновесия и тем самым представляют смертельную угрозу его существованию. Противоречия возникают из-за дыр в сознании. Отчего гремит гром, почему умирают люди? Нет ответов, нет и противодействия. Религия заполнила собой дыру в знаниях, создав непротиворечивую модель мира. Некое равновесие в сознании. Каждый человек заполняет пробелы в силу своего интеллекта и нравственности.

– Но каково же тогда предназначение бестелесных созданий? Или их эволюция закончилась?

– Движение не заканчивается никогда. Думаю, спасти вселенную от коллапса.

– Нет, лично мне такого виртуального счастья не надо. Спасибо! – шутовски поклонился Гринвичу уфолог. Но это не смутило мужчину.

– Да, виртуальный мир велик, всесилен, многообразен, но скучен. Бесконечно находиться в мире информации и неосознаваемых явлений, думаю, не самое приятное дело. Виобры получают возможность жить жизнью любого биологического существа. Не только на нашей планете. Будь – то человек животное или насекомое. Возможно, и растение. Так они реализуют свои материальные потребности и желания. Становятся некими аватарами. Если хотите, играют в некую компьютерную игру. И именно в ней обретают смысл своего существования. Соглашаясь на то, что перед погружением в биологический объект у них отключат все воспоминания и знания. Но этот зинкунг (погружение) не только борьба со скукой. Каждый раз, проникая в тело, виобры как бы заново проходят уже пройденный путь и совершенствуются во всех отношениях. А потом, после завершения игры, эти достижения, новые плюсы, как пчелы приносят в свое улье – виртуальный дом. За счет этого он и подпитывается.

– Что же, – закашлялась председательница, – получается, мы только сосуды для хранения чужих, извиняюсь, причиндалов?

– Грубо, конечно, но скорее всего, в каждом из нас живет виобр.

«И во Владимире Владимировиче?» – хмыкнул кто-то с последних рядов.

Гринвич расслышал.

– А чем он лучше остальных?

«Ну, знаете ли! Ха».

Тут же зазвенел графин. Секретарь парткома сразу забыла о шерстяных носках:

– Мы не на площади Сахарова. Попросила бы выбирать выражения.

А уфолог всем своим видом давал понять, что возмущен несусветной глупостью врача-уролога. Председательша, стараясь быстрее увести разговор от политики, дернула одним плечом, потом другим:

– Прямо буддизм какой-то, переселение душ: в людей, собак и ящериц.

– Возможно, оболочки некоторых животных вакантны. Но люди, думаю, разбираются виобрами полностью. Разумеется, еще до рождения. Буддизм, говорите? Очень многое в разных религиях идентично. И главное, что человеческая душа бессмертна.

После долгого молчания Закамский свернул свой чертеж, взял рулон подмышку, сделал пару шагов в сторону мужчины.

– Даже если предположить, что ваш бред имеет хоть долю истины, вселенная должна быть давно переполнена виобрами. Где же на всех богов, желающих поиграться в аватарчиков, найти столько людей?

– Вопрос не так уж сложен, коллега, – вдруг улыбнулся Гринвич. – Предполагаю, виобры могут одушевлять людей не только в нашем временном отрезке, но и в прошлом времени. Играть, так сказать, в исторические игры. В будущем – нет. Оно еще не написано. И зачем опережать естественный ход событий? Всему свое время. Иначе существование разумной вселенной обесмыслится.

Даниил Пантелеймонович подошел к врачу так близко, что уперся в него своим ватманом. Но тот не стал отступать. По-прежнему смотрел на уфолога твердо и пронзительно.

– Мой вам совет, господин доктор, – облизал Закамский широкие, как у карася губы, – занимайтесь своими циститами и простатитами. И не лезьте в сферу, в которой вы ни бельмеса не смыслите. Уролог! А туда же, в высшие материи! Я вам бы ломаной копейки не доверил.

Карандаш председательши мелко забился о многострадальный графин. Вера Игнатьевна Крупицина очень не хотел скандала. Появится представитель Роскосмоса, а тут бардак.

– В самом деле, товарищи любители, давайте закончим с ненаучной фантастикой. И поговорим, наконец, об облаке Оорта.

– К черту Оорта, – обошел уфолога Гринвич и направился к трибуне. – У меня есть еще кое-что сказать.

– Говори, уролог! – разрешил старичок на первом ряду с медалями за отвагу на вытертом пиджаке. Постучал палкой по облезлому полу. – А что, в его гипотезе есть какая-то изюминка. В самом деле, если не погибнет земная цивилизация, кем мы в результате станем? В Пушкино, слышал, уже киборгов делают. Американский «Вояджер» за пределы солнечной системы улетел. А ведь бурное техническое развитие началось всего полтора века назад. Что же будет через пару тысяч лет? Уму непостижимо. Так что насчет виобров, сынок? Как они в нас внедряются?

Перед тем как встать за трибуну, Гринвич затормозил у председательского стола, наполнил из графина граненый стакан до краев, залпом выпил.

«Сушняк мучает». «Нет, мозги разжижает, чтобы лучше шевелились. Давай о виртуальных образах!»

Председательница водила круглыми глазами в разные стороны не зная, что делать. Регламент трещал по всем швам. Мероприятие затягивалось, а так хотелось топленого молока.

И тут в зал вошел пузатый, коротконогий мужчина, с порога помахал Крупициной кожаной папочкой. Та сразу же поднялась, опять задействовала графин.

– Друзья, позвольте вам представить ведущего сотрудника Роскосмоса господина Щёткина Нестора Самуиловича.

Зал, конечно, отреагировал:

«Заходи, Щёткин, не стесняйся. Сейчас тебе уролог расскажет, кто ты такой».

– Интересно, – живо отозвался чиновник и сел не за стол председателя, а на первый ряд, рядом с ветераном, прямо напротив Гринвича. – Ну-с, кто я такой?

– Да никто, – ничуть не смутился врач. – Биологический сосуд. Как в нас внедряются виобры? Элементарно. Допустим, вышибают из гиппокампа головного мозга, отвечающего за память и идентификацию личности, пару барионов. Заменяют их своими протонами и нейтронами. Частицы, как известно, несут полную информацию о хозяине. Был биологический субъект, стал виртуальный образ в материальной оболочке. Делается это, разумеется, на стадии человеческого зародыша.

– И мы, как природные личности, перестаем существовать, – моментально врубился в тему чиновник Роскосмоса. Он вытер неровную лысину, обрамленную по краям редкими пегими зарослями носовым платком, потом в него же высморкался. – Продуло где-то.

– Возможно, в чем-то наш истинный характер и проявляется, но руководит личностью, ее мыслями и поступками, безусловно, виобр.

– Чушь! – крикнул с места Закамский.

– А виобр, конечно, не знает, что он виртуальный образ. Так? – не мигал заинтересованными глазами Щёткин. – Но можно ли как-то проверить вашу теорию?

– Можно, – сказал после небольшой паузы Александр Гринвич. – Например, наложить на себя руки.

– Ну, это не выход, – разочарованно покачал головой чиновник и показал пальцами что-то мизерное, словно пойманную кильку.

– Вот вы и повесьтесь прямо здесь, на подтяжках, – не унимался Закамский. – Потом расскажите о впечатлениях.

Врач пропустил колкость уфолога мимо ушей.

– Правильно, не выход. Суицид запрещен вторым законом пространства. И те виобры, которые на это идут, получают санкции в виде штрафных очков. На какое-то время лишаются права на перевоплощение.

– Товарищи, – взмолилась Крупицина. – Может, все же доберемся сегодня до облака Оорта. Все больные, дома дела ждут.

Зал немедленно отреагировал:

«Не затыкай рот виобру!» «Иди, Крупицина, грей ноги в тазу с горчицей, тебя тут никто не держит».

– Попросила бы с уважением относиться к председателю, – напрягла простуженные голосовые связки бывшая партийная работница. – Здесь не местком. Хотите слушать уролога, пожалуйста. Может, он заодно нам расскажет, как лечить мочеполовую систему. Хм.

– Ну, если вы настаиваете, – спокойно пожал плечами Гринвич. – У вас нефроптоз правой почки. И воспаление правого яичника. Почку нужно подтягивать, а воспаление лечить ректальными свечами. Если еще не поздно.

Судя по залившемуся краской лицу председательницы, стало ясно, что Гринвич сказал правду.

– Предлагали подтяжку. Уж и не знаю, как реагировать, – пролепетала Крупицина, – все думаю – насмешка или вправду поможет.

«Тише, – зашикали на больную председательшу. – Не интересно, другим не мешайте. Яичники надо в стационаре лечить».

– А я что, я ничего.

– Есть еще один способ проверить правильность моей гипотезы, – продолжал Гринвич. – Виобры, как правило, предпочитают многопользовательские игры. Геймеры знают, так инте-

реснее. Общаешься с живыми, себе подобными людьми, а не с ботами. Если здесь мы с вами встретились, вероятнее всего, и в других играх мы тоже были рядом.

В зале было ужасно душно. Молодой человек промокнул лоб носовым платком. По залу распространился запах дорогого парфюма и камфары. Поднял глаза к потолку, некоторое время думал, говорить ли дальше. Все же решился:

– Вчера мне приснился сон: начало ноября 1920 года, погрузка отступающей Белой армии на корабли в порту Севастополя. Уже слышна канонада большевистских орудий, но люди соблюдают спокойствие и без паники поднимаются по трапам. На рейде крейсер «Генерал Корнилов», на нем офицеры штаба барона Врангеля с биноклями... И, мне кажется, многих из вас я там видел. Нет, лица иные, но что-то мне говорит, что среди толпы были именно вы.

«В смиренную рубашку! Немедленно вызывайте карету скорой помощи!»

Это, конечно, подал голос Закамский.

Молодой человек сошел с трибуны и, прохаживаясь между рядами, заговорил тихо, словно беседовал сам с собой. Но все его слышали, потому что в небольшом помещении бывшей ткацкой фабрики сделалось тихо, как в цветочном магазине.

С неподдельным любопытством следил за каждым его шагом и чиновник из Роскосмоса. В его глазах блеснули одновременно и усмешка и доверие.

А Гринвич заговорил о головном мозге. О том, что гиппокамп является частью лимбической системы, отвечающей за эмоции и формирование долговременной памяти. На нашем жестком диске записано все: каждая мысль, каждый шаг и поступок, каждая секунда, проведенная в этом мире. Но оперативной памяти нет необходимости задействовать долговременный архив, поэтому мы ничего и не помним. И только ночью, готовя план действий на завтра и анализируя возможные угрозы, наш мозг иногда обращается к банку глубокой памяти.

– Эти записи вечны. Их невозможно стереть, так как они хранятся не только в генах, но и в барионах наших атомов. Понятно к чему я клоню?

Руку поднял Нестор Самуилович. Он явно изображал простака, своего парня. Но был далеко не прост, это ясно видел Гринвич.

– Если отключить гиппокамп, мы станем естественными, такими, какими были до внедрения в нас виобров. Правильно я вас понял?

– Господин, Щёткин, – издал стон Закамский. – Ну, от вас-то я никак не ожидал. Как можно вступать в антинаучные дискуссии с сумасшедшим? По нему психиатрическая лечебница имени Ганнушкина плачет.

– Существование НЛО тоже пока не доказано, – коротко ответил на это чиновник, не отрывая взгляда от Гринвича.

– Совершенно верно, – подошел Александр к представителю космического агентства. – Но стать самим собой мало. Задача – найти частицы виобра в гиппокампе и подключиться к ним. Сложность в том, что с одной стороны нужно нейтрализовать гиппокамп, с другой – его активировать. И как быть? Ввести мозг во временную кому. Поставить на грань жизни и смерти. Наркотики, алкоголь или анестезия для этого не подходят. Нужно сильнейшее и в тоже время, относительно безопасное вещество. Однажды на глаза мне попала заметка в газете, о том, что в казахстанском поселке Калачи люди иногда внезапно засыпают на 2—3 дня. Только годы спустя выяснилось, что причина в парах дихлордифенилтрихлорэтана. Проще говоря, хлорорганического пестицида, порошка ДДТ для сельского хозяйства. Его производили на химическом заводе в 20 километрах от поселка. Завод давно закрыли, а горы ДДТ остались. И как только сильный ветер в сторону Калачей, все: двое, трое сельчан впадают в глубокий двухдневный сон. При этом видят яркие и очень подробные сны.

– Съездите в Казахстан, подышите дустом, – отозвался Закамский, – может, мозги вам прочистит.

И на это Гринвич не отреагировал. Он смотрел на чиновника Роскосмоса и старался понять, заинтересовался ли он проблемой или только прикидывается.

– Итак, пары дихлордифенилтрихлорэтана. Но одного усыпления гиппокампа, как я говорил, недостаточно. Требуется неординарный стимулятор памяти. Ноотроп. Типа аммитала натрия, сыворотки правды СП-117, которую в свое время спецслужбы вкалывали кандидату в президенты Ивану Рыбкину. Но где эту сыворотку найдешь? В общем, я разработал некий препарат. С одной стороны отключающий гиппокамп, с другой – раскрепощающий его. Видите ли, во время глубокого сна мозг требует полного отчета о состоянии организма. Это касается и самого мозга – гипоталамус, мозжечок, оба полушария, продолговатый мозг и т. д. Так вот, на этот раз проверка должна быть сверхглубокой. А ноотроп, ко всему прочему, поможет запомнить все, что увидит мозг во время комы.

– Ну и вперед! – крикнул студент Янсон. – Потом расскажите, где были, что видели, чего слышали. Любопытная теория, кстати. Я, например, постоянно чувствую, что во мне сидит кто-то посторонний.

«Одеколон на ночь не пей».

– Я разработал необходимую сыворотку правды. На основе триметилбутанпропилена. Но не хватает средств на оборудование для ее синтеза.

– Ах, вот оно что?! – подлетел, чуть ли не до потолка Закамский и снова выскочил к трибуне со своим ватманом. – С этого бы и начинали. Разводка, господа, обычная разводка. Как вы не поняли? А я сразу догадался. Нет, он не просто псих. Махинатор, вымогатель. Аферист, одним словом. Надо вызывать полицию!

– Но я ни у кого ничего не прошу, – отвел Гринвич рукой от лица ватман уфолога. – И не собираюсь. Просто зашел поделиться мыслями. Коллеги-врачи меня не понимают, а вы все же романтики, мечтатели. Бредите звездами и контактами с братьями по разуму. Возможно, вам было интересно. Спасибо за внимание.

На эти слова врача-уролога Закамский острить не стал. Излил душу и проваливай и больше тут не появляйся, читалось в его глазах.

– Развелось умников, как рыжих муравьев в огороде, – процедил он сквозь зубы. – Ска-тертью дорога.

Гринвич виновато кивнул головой, пошел к выходу. Не было ни одного человека в зале, который не провожал бы его сверлящим взглядом. А когда спина необычного теоретика скрылась за дверью, с последнего ряда встал квадратный гражданин в клетчатом пиджаке и широким атласным галстуком ярко красного цвета. Подхватил объемный черный кейс, обтянутый крокодиловой кожей, зацепился остроносым ботинком, вычищенным до блеска о передние кресла, и чуть не повалил весь ряд. У выхода обернулся:

– Закрой пасть, Закамский, НЛО залетит.

Квадратный мужчина догнал Гринвича во дворе разоренной фабрики. Предприятие давно не работало, но из мощных труб, проложенных вдоль дорожек, отчего-то все еще пробивался пар.

Дернул уролога за рукав пиджака.

В первый момент Гринвич испугался, увидев перед собой большое несимметричное лицо. Но оно было незлое, как у доброго великана и Александр натужно улыбнулся:

– Чем обязан?

– Скалодуб Виталий Николаевич. Не знаю, откуда фамилия такая странная. Это жена меня в клуб определила, – затоптался гигант. – Говорит, совсем ты отупел среди своих ливерных колбас, пойди ума немного наберись и мне чего-нибудь расскажешь. У меня бизнес мясной. Ну, там, корейка, балык, буженина. Думаю – а чего, я звездочки люблю, а про НЛО так захлеб читаю. Хочу даже телескоп купить да не знаю какой конструкции; рефрактор или рефлектор. Не посоветуете?

– Не по адресу обращаетесь, я не звездочет.

– Извините. Это я так, к слову. Меня очень ваша идея взволновала. Интересно ведь кем мы через тысячу лет станем. У вас денег нет на эксперимент. Сколько надо?

– Вы хотите одолжить? Так я не отдам, нечем.

– Ерунда. Все равно деньги утекают налево и направо. Родственникам дай, друзьям займи. Надоело. Убежать бы куда-нибудь в Австралию, к пигмеям, да бумеранги запускать. А тут такое дело. Понимаю, что может ничего у вас и не выйдет с этими... атомами, но все равно готов. В разумных пределах, конечно.

Гринвич не ожидал подобного развития событий. Приходил в клуб просто вывернуть душу. Откуда у любителей деньги? Да и не нужны они ему, в общем-то, были. Зарплаты уролога в частной клинике вполне хватило, чтобы купить необходимые компоненты. Он и купил. Осталась малость – смешать их в определенной пропорции и ввести себе в вену. А через кислородную маску подать пары триметилбутанпропилена. Но ему нужен человек, который был бы в курсе того, что он делает, оказался бы, если что рядом. Колбасник так колбасник.

– Это даже нельзя назвать экспериментом, – опустил он глаза на огромные ботинки Скалудуба и ужаснулся. Кажется пятидесятый размер. —Просто лабораторная проверка гипотезы.

Сказал и задумался – интересно, насколько можно рассчитывать на этого буйвола с телячьими глазами? Решил проверить:

– Впрочем, чтобы изготовить ноотроп, понадобится лазерная установка на твердых кристаллах для удержания плазмы в магнитном поле. В этой плазме и будет синтезироваться стимулятор. А это... тысяч двадцать евро. Плюс химические компоненты.

– Наличных, конечно, не дам, научен горьким опытом. Составьте смету, я оплачу. Вот мой телефон. Кстати, сколько понадобится времени на сборку установки?

– От силы неделя.

– Подходит. Ждать я очень не люблю. Нетерпелив. Неделя – это ничего. А что вы говорили про Крым?

Вспомнив сон, о котором говорил в клубе, Гринвич понял, что никак не может собрать его воедино. Несколько минут назад он присутствовал в его мозгу более или менее стройно, а теперь вообще обесцветился, извлял. Что, чего, один туман над севастопольской бухтой.

– Впрочем, ничего мне от вас не надо, – вдруг сказал Гринвич. – У меня все есть и готово к эксперименту. Это я так про деньги спросил, не знаю даже для чего.

Признание ничуть не удивило колбасника.

– И когда собираетесь приступить?

– Сегодня. Тянуть бессмысленно.

– Позвоните хоть... перед уходом. В какой клинике вы работаете?

– На юго-западе. Прощайте.

Подняв воротник пиджака, Гринвич уверенно зашагал к проходной, которая представляла собой погнутый шлагбаум на одном бетонном столбе.

Уже на проспекте его нагнал на автомобиле чиновник Роскосмоса Щёткин. Шофер подал такой громкий сигнал, что Гринвич даже споткнулся. Щёткин тут же выскочил из машины, принялся тереть лысину красной пятерней.

– Что, заседание уже закончилось? – не удержался от ехидного вопроса Александр.

– Да ну их, – махнул рукой чиновник, – детский сад. Проект планетарной защиты от комет из облака Оорта в виде гигантского алюминиевого зонтика! Чушь. А вот вы меня несколько выбили, что ли, из равновесия. Признаюсь честно. Я и сам часто думаю —во что рано или поздно выльется наша цивилизация, кем мы станем? Люди, ведь не случайная плесень на одной из планет солнечной системы в рукаве Ориона. А? Во вселенной ничего не происходит случайно. Просто так даже десять рублей на улице не найдешь. О, глядите! Десять рублей!

Под башмаком чиновника и в самом деле валялась желтая монета. Но фокус не прошел. Врач видел, как она выпала из ладони Щёткина. Шутник.

– И что вы хотите? – грубо прервал комедию Гринвич.

– Не сработало, – вздохнул Щёткин. – Поучаствовать в вашем эксперименте. Помог бы материально да беден, взятки не дают. Ха-ха. Принять участие заочно, конечно. Сам не рискну. Трое детей и жена беременная. А зафиксировать результат, готов. Как неофициальное лицо. Вам же нужен компаньон?

– Опасно, – поморщился Гринвич. – Надышусь отравой, вдруг не проснусь? Вас еще за убийство привлекут.

– На расстоянии. Компаньон на расстоянии. Сам к вам – ни ногой. Если что, знать ничего не знаю, а если уж выгорит... Не забудьте про поддержку скромного чиновника их Роскосмоса. Вы мне позвоните, когда вернетесь из... виртала. Ладно? Договорились? Вот визитка с номером. А, нет, визитки не дам. У вас память хорошая? Запоминайте мобильный телефон. Ага. А про Крым вы занятно рассказали. Меня там случайно не видели, ха-ха? Да, жаль барона Врангеля. Было бы у нас побольше шашек да из дамасской стали, эх! Не сдали бы красным Севастополь. И Крым второй раз забирать бы не пришлось! Крейсер «Генерал Корнилов», говорите? Занятно. Ну, мне пора. Желаю удачи. Непременно позвоните.

Сволочь, сплюнул Гринвич. Чужими руками жар загрести хочет. С другой стороны, еще один свидетель эксперимента не помешает. Если окочурюсь, хоть кто-то вспомнит, что за истину сгинул. Хоть посмеются от души.

Дома думал уже иначе. Никакие свидетели и компаньоны ему не нужны. Дело это сугубо личное. А насмешников перед смертью не надо. Шанс, что он выживет, надышавшись триметилбутанпропиленом и уколовшись смесью нейролептиков, транквилизаторов и морфина, невелик.

По крайней мере, уйду из этого мира в эйфории. Терять мне нечего и некого.

Гринвич приготовил себе ложе с капельницей у стола на кухне. Входную дверь запирать на замок не стал, чтобы если что, ее не выламывали. Полил цветы, прибрал в стол все документы. Пропылесосил квартиру, вымыл посуду, принял душ. На листе бумаги написал: «Ухожу добровольно. Никого не винить. Может, еще вернусь. А. Гринвич. 15.05.2014 года. 21.00 мск.»

Взял большой шприц, набрал желтоватой жидкости. Не волновался, в вену попал с первого раза. Она сразу же набухла, задергалась. По жилам понеслась теплая волна. Надел прозрачную хирургическую маску, что используется для анестезии во время операций, повернул рычаг на обычной кислородной подушке, заполненной ядовитой смесью на основе триметилбутанпропилена. Стоявший на подоконнике фикус стал размываться, из зеленого превратился в красный, потом в синий. Послышались неразборчивые голоса, то с одной стороны, то с другой. В голове завертелось, понеслось в одну белую точку. Кажется, это конец.

– Господин штабс-ротмистр, если вам неинтересно положение дел на фронтах, можете идти спать в номера.

Грановский открыл глаза. Он и не заметил, как задремал. Стыдно-то как. Впрочем, не удивительно, почти две ночи не спал, добираясь с Перекопского вала в Севастополь со штабом генерала Скалона. Да еще эти небывалые холода. Чуть смеркается, а уже – 20. Даже Сиваш покрылся льдом. Это большевикам на руку, каприз природы позволил им заметно увеличить линию фронта. И изматывающий голод. По дороге ни одного Макдоналдса. Что? Какой к черту Макдоналдс? Что это такое? Совсем мозги поплыли, действительно нужно поспать. И переодеться. Где этот проклятый французский транспорт «Рион» с зимней одеждой и продовольствием? Не торопятся союзнички. Впрочем, из всех союзников осталась только Франция. Англичане сдали Русскую армию ни за фунт табаку, заставив подписать поляков и украинцев мирное соглашение с совдепией. Беда.

– Извините, Ваше высокопревосходительство.

Главнокомандующий Русской армией и правитель Юга России поправил на груди высокие газыри, затем Орден Святого Николая чудотворца 2 степени, полученный еще от Думы, глубоко затянулся папирсой:

– Все мы на грани, Александр Данилович, но спать не имеем права, так и Россию проспим. Продолжайте Михаил Николаевич.

Генерал Врангель еще на что-то надеется, вздохнул Грановский. Железный человек, никогда не падает духом, недаром большевики прозвали его – черный барон. Почему доклад делает не начальник генерального штаба генерал-лейтенант Шатилов, а исполняющий обязанности губернатора Таврии генерал Скалон? Видимо, Шатилов на линии укреплений 1855 года. Поздно. Редуты задержат большевиков всего на день – два.

Всегда невозмутимый, уравновешенный, но чрезвычайно интеллигентный и несколько стеснительный герой японской войны генерал Скалон, одернул гимнастерку, залатанную во многих местах на скорую руку, сделал шаг к топографической карте. Весь крымский полуостров был изрезан красными и синими стрелами, упиравшимися в неровные гребенки.

– Положение, господин генерал, критическое.

Барон Врангель недовольно покрутил узкой шеей под высоким красным воротником:

– Я не просил вас давать оценку ситуации.

– Простите, Ваше превосходительство. После того как Польша устранилась от боевых действий, большевики развернули против нас пять армий у Каховки, Никополя, Полог. По нашим данным, около ста тысяч бойцов, четверть – кавалерия. В нашем распоряжении 30—35 тысяч штыков и сабель. Задача красных ударить по русскому левому флангу в направлении Громовки и Сальково, чтобы отрезать нас от перешейков и прижать к Азовскому морю. Тем самым открыв себе дорогу в Крым. Мы произвели перегруппировку и силами 1 бригады 2 Кубанской дивизии ударили с фланга по 1 конной армии Буденного. Прижали к Сивашу. Большевики не ожидали удара, они в панике бежали. Только пятки сверкали.

Во временном штабе Главнокомандующего в гостинице «Кист» у Графской пристани, раздались сдавленные смешки. Офицеры принялись дружно закуривать и обмениваться мнениями. Генерал Скалон попросил тишины.

– В результате внезапного удара и помощи подошедшей 1 бригады Кубанской дивизии были полностью уничтожены два латышских батальона, захвачены 216 орудий и пулеметов, взяты в плен четыре полка красных. Они готовы воевать в наших рядах.

– Опять кормить, да не в коня корм, – сказал кто-то в сизом дыму. 3 Русскую армию в Польше тоже из дезертиров собрали. 80 000 тысяч штыков, а они все разбежались.

– Не все, – поднялся маленький лысый полковник, постоянно вытиравший неровную голову носовым платком. Грановский знал его. Это был заместитель командующего 3 Русской армией Щетинин. – Нам обещали поддержку со стороны Махно, но он неожиданно переметнулся к большевикам.

Многие недоверчиво посмотрели на Щетинина. Славно сражался с красными, а попав в плен, перешел к большевикам. Стал комиссаром 8 бригады 13 конной армии. Когда свои захватили его под Васильевкой, заявил, что всегда оставался преданным белому делу. Каждый человек был на счету, вот и направили его заместителем командира в 3 армию. Ненадежного к ненадежным.

– Позвольте, я продолжу? – повесил новую карту генерал Скалон. – Буденному мы нанесли серьезный удар на перешейке. Однако подоспела 2 конная армия численностью не менее 25 тысяч сабель, и она атаковала нас с флангов. Мы держались три дня. Затем получили приказ Вашего превосходительства, и отошли на Сиваш-Перекопскую позицию. Теперь в Северной Таврии русских войск нет. Мы окончательно заперты в Крыму.

В штабе повисла тишина. Каждый думал о своем, но мысли всех сводились к одному: конец.

Барон Врангель резко поднялся, затушил о край серебряной пепельницы едва раскуренную папиросу:

– Я должен немедленно отбыть в Симферополь. Нужно провести совещание с руководителями земских управ и прессой. Что у нас с продовольствием?

Первый помощник Главкома Кривошеин доложил:

– В наших портах около полутора миллионов пудов зерна. В ближайшие две недели голод Крыму не грозит. Как известно Вашему превосходительству в Марсель было доставлено 275 тыс. пудов пшеницы. В счет этого французы выслали нам зимнюю одежду и мясные консервы.

– Только когда этот транспорт придет? Не поздно ли будет? Хорошо, я сегодня же переговорю с верховным комиссаром графом Мартелем. Броненосец «Provence» еще на рейде?

– Ушел в Керчь, Ваше превосходительство.

– Не вовремя. Подготовьте телеграф. И еще. Извольте задокументировать мой приказ. Пока враг у ворот, я не допущу политической борьбы. Итак. Запрещаю всякие публичные выступления. Проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь. Вменяю в обязанности начальникам гарнизонов, комендантам и гражданским властям следить за выполнением моего приказа. Нарушивших его, невзирая на сан, чин и звание, буду высылать из наших пределов. Мера вынужденная. Паника на полуострове нам не нужна. Донесите это до министра печати лично.

В это время в сизом дыму штаба появился личный ординарец Врангеля. Грановский никак не мог запомнить фамилию этого юного поручика, который во многих отношениях походил на барышню. Разве что носил военную форму. Кажется, Протасов. Или Курасов.

– Две телеграммы, господин генерал, – протянул он Главнокомандующему листы бумаги с наклеенными на них лентами. – От атамана Семенова из Сибири и от генерала Кутепова с Перекопа.

Один лист Врангель машинально протянул стоявшему рядом с ним штабс-ротмистру Грановскому. Александр Данилович опустил взгляд, но читать не решился, не положено.

А барон вытянулся во весь рост. На его лице появился сарказм.

– Вот послушайте господа, что доносит Григорий Михайлович Семенов: «Отрезвление сельского населения, вкусившего прелести большевизма, ужю началось: прибывают добровольцы, казаки, инородцы, крестьяне. Части моей армии находятся в Забайкалье, Уссурийском крае и Северной Монголии. От имени своего и подчиненных мне войск и населения – приветствую Вас в великом подвиге служения народу». Все. Спасибо, Григорий Михайлович, на добром слове. Дай Бог и вам крепкой руки и не остывающего сердца. Ну, что там в другой депеше? Читайте, штабс-ротмистр.

Грановский тут же поднес листок к глазам, и они начали затягиваться туманом.

– «Противник прорвал позиции на Перекопе. В виду угрозы обхода я отдал приказ в ночь на 27-е войскам отходить на укрепленную позицию к озерам Киянское-Красное-Старое-карт-казак».

Барон с нетерпением выхватил телеграмму из рук Грановского, молча шевеля губами, прочел сам.

– Тон донесения, – после некоторой паузы сказал он, – не вызывает сомнения. Мы накануне несчастья.

Как ни странно, но и офицеры, и представители правительства, принимавшие участие в совещании отнеслись к сообщению Кутепова спокойно. Вероятно, многие пришли к выводу,

высказанному теперь Главкомом, уже давно. Ничто не дернулось и в груди штабс-ротмистра Грановского.

Барон ледоколом пронесся по комнате, за ним устремились помощник Кривошеин, полковники Щетинин и Грабов, телеграфист, ординарец. Вышел из совещательной комнаты и штаб-ротмистр Грановский. В коридоре он услышал слова Главнокомандующего:

– Рассчитывать на дальнейшее сопротивление войск уже нельзя. Предел сопротивления армии превзойден. Никакие укрепления врага уже не остановят. Необходимо принять срочные меры к спасению армии и населения. Бронепоезд мне теперь не нужен. Ехать в Симферополь бессмысленно. Подготовьте катер. Вместе с адмиралом Кедровым осмотрю суда, стоящие под погрузку.

Через десять минут доложили, что в бухту Севастополя заходит французский крейсер «Waldeck Rousseau» в сопровождении миноносца. На его борту – временно командующий французской средиземноморской эскадрой адмирал Дюмениль.

– Союзнички, – нервно встряхнул головой барон, – Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти.

В полдень Верховный Главнокомандующий вместе с адмиралом Кедровым объехал на катере суда, на которые грузилось военные и гражданское население. Было много раненных. На корабли переносилась также документация штабов, какая-то мебель. Все проходило спокойно, без паники. Генерал остался доволен. Спросил адмирала, сколько всего судов смогут принять, в случае самого худшего исхода, отступающую армию.

Адмирал покрутил усы, наверняка подумал: какое же положение может быть хуже, чем теперь? Но генерал услышал в ответ: 146, плюс баржи, которые возьмут на буксир французские корабли. Примем на борт всех, кто не желает встречи с большевиками. В Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи, Сочи.

На пристани выстроились юнкера. Их было много и все они улыбались. На их лицах не было отчаяния, словно они искренне верили, что скоро обязательно вернуться в Севастополь.

Грановский, сопровождавший барона в качестве негласного адъютанта (все в последнее время перепуталось, встало с ног на голову), заметил, как Петр Николаевич тайком смахнул слезу. Подошел, к юнкерам, которые вытянулись во фрунт. Крепко взялся за черную рукоять кинжала, поправил папаху. Тихо поздоровался, потом поблагодарил за службу, поклонился. Заговорил проникновенно, как в церкви:

– Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высокоподнятой головой, в сознании выполненного до конца долга.

Генерал замолчал. На площади царила полная тишина, только гулял по битому асфальту ветер. К барону подошла какая-то девушка, укутанная в белый платок, поцеловала ему руку.

– Спасибо вам за все!

Врангель, резко повернулся на каблуках, направился в штаб гостиницы «Кист».

Приблизительно через час ординарец Главкома Юга России Протасов вызвал в кабинет барона штабс-ротмистра по особым поручениям Грановского и полковника Щетинина. В кабинете над картой склонился начальник контрразведки генерал-лейтенант Климович.

Барон обошел быстрой походкой приглашенных офицеров, тоже склонился над картой.

– Вот какое дело, господа, – сказал он после некоторой паузы. – По последним данным, некоторые наши части еще держат Турецкий вал. Видимо, Кутепов не до конца владеет ситуацией. Но сейчас не об этом. Под Радывановкой, южнее Мелитополя в окружении 8 бригады

13 конной армии, где вы Щетинин были комиссаром, находится в окружении корпус полковника Свиридова. Около 500 пикетов и сабель.

Полковник Щетинин зарделся, вытер платком лысину:

– Кто старое помянет...

– Я не ворон и глаз вам выклеивать не собираюсь. Сейчас не время сводить счета. Так вот, свиридовцы самостоятельно пробиться в Крым через перешеек не смогут, с юга их подпирает бригада Засулевича, а левее стоит Буденный. Но мы не имеем права оставить своих товарищей в беде. Господин Климович предлагает с сотней донцов пройти по Арабатской стрелке и прийти на помощь полковнику Свиридову. Что скажете?

– Вы знаете, я не трус, – подошел без приглашения к карте Щетинин, – но это явная авантюра. Эх, было бы у нас побольше шашек, да из дамасской стали! Красные большими силами блокируют и Чингар и Арабатскую стрелку. Мы не сможем дойти даже до Нового Азова, нас накроют из орудий.

– Верно, – подал голос начальник разведки. – Если не станете красноармейцами. Временно. Большевистского обмундирования у нас от пленных в достатке. Наденете эти дьявольские буденовки, нацепите красные банты и вперед. Вас ведь, Щетинин, в 13 армии хорошо знают.

– Ну... да.

– У красных такой же бардак, как и у нас. Скажите, что попали в окружение и теперь пробираетесь в расположение 8 бригады 13 армии. Когда окажетесь у большевиков, ночью нанесете им неожиданный удар. Рассев противника, не дожидаясь пока придет в себя остальная армия, воссоединитесь с полковником Свиридовым. Будете уходить не по Арабатской стрелке, а по Сивашу на Тион Джанкой. Сиваш там совсем мелкий, к тому же во многих местах замерз. А далее на Феодосию, барон распорядится, чтобы для вас оставили транспорт. Азовская флотилия у Арабатской стрелки вам помочь не сможет, снарядов нет. Корабли под загрузку в Керчи стоят. Что скажете? Вас никто не неволит, господа.

– Как офицер и человек чести, я не могу и не имею права отказаться, – гордо вскинул голову Щетинин.

– Ну, вот и славно, Нестор Самуилович, – глубоко затянулся папиросой барон Врангель. – Но это еще не все. Дело в том, что в отряде полковника Свиридова находится некая Варвара Ильинична Крутицкая, дочь львовского мирового судьи Крутицкого и моя троюродная племянница. Когда ее фамилия уезжала во Францию, она была больна испанкой, а когда выздоровела, поляки и украинцы подписали мирный договор с большевиками. *Von sang*. Граница оказалась фактически закрытой. Ее взял в Крым подполковник Глазовский, который пополнял в городе продовольствие для нашей армии. Но корпус наскочил на красных, в результате был разбит, а Варваре Ильиничне каким-то чудом удалось выйти в расположение полковника Свиридова. Вы ведь знакомы с госпожой Крутицкой? – вдруг обратился Врангель к Грановскому и протянул ему акварельную миниатюру.

На карточке была изображена юная дама в красном платье с букетом васильков на груди. Тонкую талию обрамлял пластинчатый серебряный пояс с малахитовой ящеркой, явно старинной работы. Большие ироничные, кофейного цвета глаза и расчесанные на пробор золотые волосы. Прямой нос и крепкий двойной подбородок, говорили о силе характера и даже некотором упрямстве, но не делали лицо черствым. Напротив, весь образ девушки излучал добродушие и отзывчивость. С ней не страшно было заговорить, даже не будучи представленным, но соблюдая при этом дистанцию. Простого обхождения Варвара Ильинична, явно бы не потерпела. Об этом говорили черные широкие брови, готовые в любую секунду изменить отношение к окружающему.

– Златовласка, вырвалось у Грановского. – С серебряным поясом.

– Семейная реликвия, – пояснил барон. – Кажется еще от княгини Ольги. Сам удивляюсь, что сохранилась.

– Вот как? – изумился штабс-ротмистр. – От такой яркой звезды можно сгореть без остатка. Но нет, господин барон, я с ней никогда не встречался.

– Значит, у меня неверная информация, – разочарованно положил на стол акварель генерал. – Но все равно, я знаю вас как мужественного офицера и порядочного человека и предлагаю вам озаботиться судьбой дамы, пойти с отрядом полковника Щетинина. Впрочем, выбор за вами. Прямо сейчас можете погрузиться на французский транспорт.

Нельзя сказать, что Грановский моментально влюбился в девушку на миниатюре, но ее судьба однозначно стала ему безразличной. И он уже не представлял, как сможет спокойно уплыть без нее в Константинополь.

– Я сделаю все возможное, господин Главнокомандующий. Если понадобится, отдам свою жизнь.

– Вот этого не надо, молодой человек, – оборвал Грановского начальник контрразведки. – Красная идеология проникла даже сюда. Нет, уж извольте, штабс-ротмистр, оставаться живым и здоровым для выполнения своего долга. А умрете, когда вам прикажут.

Барон Врангель развел руками, несколько укоризненно покачал головой:

– Вы несправедливы, Евгений Константинович. Штабс-ротмистр изволил лишь выказать свое искреннее стремление помочь несчастной баронессе. И я заранее вас благодарю, господа, не зная исхода операции. Итак, пробивайтесь обратно через степи к Феодосии. Транспорт «Глория» будет находиться на рейде до тех пор, пока берег не оккупируют орды большевиков.

Из Севастополя выдвинулись рано утром. Воздух заметно потеплел, насытился, как всегда в эту пору, запахом моря. К сотне донцов добровольно присоединилась еще полусотня казаков из 2-го корпуса полковника Дубовала. Был он крупный и нескладный как великан, с резкими движениями и выражениями. Грановский постоянно удивлялся – насколько подходит фамилия этому человеку. Полковник не боялся ничего, даже вести пораженческие разговоры. Например, нередко повторял: «Убежать бы куда-нибудь прямо сейчас в Австралию, к пигмеям, да бумеранги запустать».

Полковник Дубовал своих казаков, разумеется, не бросил. Словесно выражая неудовольствие по поводу похода по тылам красным, сам лично подбирал для отряда большевистскую амуницию, выправлял в штабе фальшивые документы для Щетинина и Грановского. Штабные умельцы быстро изобразили красноармейские книжки с печатями и с подписью самого Фрунзе. Щетинин так и остался Щетининым, а Грановский превратился в ординарца комиссара 8 бригады 13 конной армии Александра Гринвича. Какие документы выправил для себя Дубовал, он не говорил.

Редкие прохожие, кадеты, юнкера, солдаты и офицеры с недоумением глядели на двигавшуюся по городу красную кавалерию, впереди которой на крепких конях восседали в потертых кожанках, с красными звездами на картузах полковник Щетинин и штабс-ротмистр Грановский. Глядели с удивлением, но не проявляли озабоченности. Финал драмы для всех был очевиден, и реальность воспринималась многими отстранено. Белые, красные, какая разница, лишь бы не трогали и не мешали грузиться на суда в порту.

Бронепоезд генерала Врангеля сопровождал добровольцев по степи почти до самого Симферополя, пока в 15-ти километрах от города не подорвался на заложенной под рельсами mine. С рельс не сошел, задним ходом начал медленно ползти обратно в Севастополь, дав на прощание отчаянным бойцам несколько ободряющих гудков.

Симферополь обошли стороной, пошли по направлению Карасубазара. Здесь начали попадаться разрозненные отступающие части белой армии. Люди были ободраны, изранены, многие без оружия. Плелись, понунив головы, не оглядываясь по сторонам. Никакого интереса

не проявляли, правда, пару раз в сторону отряда все же прозвучало несколько выстрелов. Пуля слегка задела подхорунжего Плеткина.

Арабатская стрелка оказалась пуста. На Сиваше, несмотря на наступившую оттепель, лежал лед, по которому можно было даже идти. Но коней бы лед не выдержал, поэтому двигались исключительно по суше. Первый разъезд красных встретили уже под Ганическим. Четверо всадников с красными лентами на папахх напряженно взяли коней под уздцы, вскинули кавалерийские винтовки Мосина.

– Кто такие?

– Тебе ль не все равно? – грубо ответил Щетинин. Сразу было видно, что он уже имел плотное общение с большевиками. – А ну скажи сюда, раз зрение плохое.

Один из всадников закрутился на месте, потом ударил коня каблуками по крупу, осторожно приблизился к отряду. Хотел повторить вопрос, но Нестор Самуилович его опередил:

– Идем в расположение 8 бригады комбрига Засулевича. Слышал о таком?

– А то, – обиделся бородатый наездник с зазубренной шашкой за поясом. – Мы тут каждый опенок знаем.

– А коль знаешь, почему не приветствуешь? И что у тебя за вид, красноармеец?

Красный всадник напрягся, застегнул воротник на прожженном мундире, потом расслабился:

– Не старые времена, чтобы кричать. А вас не признал, потому как никогда не видел.

– Красных комиссаров в лицо не знаешь?

– Теперь у кого кожанка, тот и комиссар, а простым смертным только под пули беляков лезть. Юнкера с офицерьем, как осатанели, какой день по валу бьем, а они все живые.

– За такие разговоры под революционный трибунал пойдешь!

– Испугал до тифозного поноса.

Всадник заржал, махнул рукой своим приятелям. Те тут же приблизились. Уже без опаски, видно слышали издали разговор. Один из них, одетый в драный тулуп, поправил сбоку револьвер, заулыбался:

– Товарищ комиссар! Мы же с вами под Херсоном беляков рубали, вам тогда еще комбриг именной маузер вручил. Думали, вы сгинули, а вон живой.

Щетинин нервно вытер рукавом кожанки шею. Ему было очень неприятно слушать о своем героическом красном прошлом.

Повезло, что признали, – polegало на душе у Грановского, – только еще перестрелки под боком у красных не хватало. А Щетинин сволочь, пулю бы ему в затылок. Как бы снова не предал.

– Слышал, к товарищу Засулевичу пробиваетесь? Так под Чонгаром в нашей 4 армии его ординарец с каким-то поручением. Слава Янберг, он и проводит.

Больше разговоров не вели. Отряд двинулся за разъездом и вскоре уже был у холмов с колючей проволокой. Заграждения ставила еще Добровольческая армия Деникина, теперь редуты служили красным. Из-за насыпных валов глядели стволы трехдюймовых пушек и пулеметов.

В штабе 4 армии не стали даже проверять документы. Свои и свои. Да и кому тут быть, если все беляки за Перекопским валом остались. От заместителя командира армии тут же был получен приказ выдвигаться в сторону Ново-Михайловки, соединиться с Махно и совместно двигаться на Дюрбинь, обойдя Перекоп стороной. А далее на Симферополь.

Грановский хотел было возразить, но Щетинин его остановил. На Дюрбинь, так на Дюрбинь. Получив устный и письменный приказ, отряд, развернув красные знамена, пошел дей-

ствительно на северо-восток, а потом резко поменял направление и взял курс на Мелитополь, в окрестностях которого находилась 8 бригада 13 армии.

Грановского поразило, что ординарец Засулевича Янберг не возражал против изменения отрядом маршрута. Правильно, говорил он, мало ли что в 4 армии прикажут. У тебя, товарищ Щетинин, командир один – комбриг Засулевич. Вот он даст тебе приказ идти на Симферополь, тогда и пойдешь. А пока давай домой, Даниил Пантелеймонович по тебе очень скучает. Такого, говорит, славного комиссара потерял. Отдохнете, в баньке попаритесь, а там и повоевать можно. Белым все одно крышка, они уже на свои лоханки грузятся, чтобы в Царьград плыть.

И здесь, в Северной Таврии, попадались какие-то разрозненные отряды – то ли белых, то ли красных, а может просто бандитов. Никто не проявлял друг к другу никакого интереса. Измученные войной люди, молча ползли куда-то. Как муравьи из разоренного муравейника.

Засулевич встретил Щетинина, как родного. Целовал его, обнимал и даже похлопал по ягодице, что заставило полковника Дубовала подозрительно прищуриться. Полторы сотни добровольцев расквартировали по хатам, потеснив бойцов 8 бригады, вторую неделю страдавших от безделья. А в доме, где обитал сам комбриг, накрыли богатый стол.

За горилкой, салом, трофейным немецким шнапсом и солеными огурцами с мочеными арбузами выяснилось, что корпуса полковника Свиридова уже не существует.

– Долго мы их мочалили, – бегал по хате в галифе и исподней рубахе комбриг Засулевич. – Дерзкими оказались, никак сдаваться не хотели. Но мы их шрапнелью покосили, а потом измором взяли. Вода кончилась. Куда им деваться было? Я Свиридова собственноручно кончил. Этими вот руками. Донцов часть порубали, а те, кто согласился нашей власти служить, под Перекоп отправили. Пусть кровью смывают свои преступления против народной власти. Так командарму, товарищу Фрунзе и доложили. Правильно, Слава?

Ординарец выпил полстакана мутной самогонки, хрюкнул что-то нечленораздельное.

Грановский побледнел. Получается все напрасно. Помощь их опоздала. Жаль донцов и полковника Свиридова. А баронесса Крутицкая? Тоже погибла? Боже, трудно представить, что с ней могла сделать красная солдатня.

– Но это все ерунда, – продолжал бегать с горящими глазами комбриг, трясая грязными тесемками рубахи. – Ко мне в силки одна птаха попала. Штучка отменная. Вроде как из бывших, но такие амурные номера выделяет, что в доме терпимости не предложат. Эх, кровь по жилам разгоняет, лучше самогона. Не баба-динамит! Я ее в крайней хате с глиняной крышей держу. Охрану даже поставил, чтобы хлопцы не позарились. Моя добыча.

Неужели баронесса? – чуть не удержался от вопроса Грановский. Но Щетинин так посмотрел на штабс-ротмистра, что тот сразу прикусил язык.

Комбриг напился гораздо быстрее, чем ожидалось. Бегал-бегал, да и застыл у теплой печи, как приготовленная для топки головешка. Янберг аккуратно уложил командира на лавку, накрыл полушубком, разлил горилку по стаканам.

– Девица знатная, – вздохнул он, – того и гляди сам от нее загорюсь.

Не может быть, думал Грановский. Троюродная племянница Его Превосходительства, баронесса, дочь мирового судьи и такая шалава? Ради нее на смерть идти? Впрочем, офицерское слово дороже всех звезд на небе. Дал, держи. Не нам простым смертным о нравственности рассуждать. Но время терять нельзя.

Ночью собрались в бане, которую натопил сам Янберг. Оставил, слава богу, Грановского, Щетинина и Дубовала одних. Решили действовать быстро, пока враг ничего не подозревает. Перед рассветом всех краснопузых, что окажутся под рукой – на ножи. Необходимо оповестить

отряд. Этим займется полковник Дубовал. Комбрига Засулевича и ординарца Янберга нужно повязать и забрать с собой. Помогут посты пройти. Это сюда проскочили на дурака, а обратно еще неизвестно как сложится. Жаль полковника Свиридова, да ему теперь ничем не поможешь.

– Баронессу Крутицкую я возьму на себя, – сказал с горечью в голосе Грановский. Никак не вязался образ на акварели с разбитной бабой, оказывающей невероятные услуги закланному врагу барона Врангеля и всей России.

Штабс-ротмистр вышел на улицу, когда стало совсем темно. Предварительно узнал у ординарца, где та хата с красной крышей и горячей девицей.

– Что, тоже на мед потянуло? Ну, попробуй, пока комбриг спит. Хотя, не советовал бы. Обожжешься. До костей.

Ничего не ответив, Грановский двинулся на окраину поселка. Слегка забрезжил рассвет. Сейчас добровольцы приступят к делу, нужно спешить.

На крыльце мазанки с соломенной крышей дремал усатый часовой. Его и спрашивать ни о чем не надо было. Просто перешагнул через тело, толкнул плечом скрипучую дверь. В сенях – бочка с капустой, бутыл с брагой. Споткнулся о кадку, еще обо что-то, вошел в горницу.

За столом сидела голубоглазая деваха со смазанными на лице белилами. Губы покрашены красной помадой, на щеке – родинка, тоже кажется нарисованная.

– Ну? – нагло спросила она Грановского.

– Вы Крутицкая? Варвара Ильинична?

– А ты сомневаешься? – засунула в рот папиросу девица. – Двигай ближе, лучше рассмотришь. Такое покажу, ахнешь.

Штабс-ротмистр не то что сомневался, а был совершенно сбит с толку. Создатель акварели, которую он видел, был или пропойцей или полной бездарностью. Или просто льстецом. Уж совсем эта сидящая перед ним особа не походила на баронессу с картинки. О манерах и говорить не приходится. Впрочем, жизнь такая штука, что порой открывает в людях черты, о которых и не подозреваешь.

– Кто ваш троюродный дядя? – в лоб спросил офицер.

– Ха. Каждому говорить, язык отсохнет. Ладно уж, за твои зеленые глаза. Барон Петр Николаевич Врангель, Главнокомандующий вооруженными силами.... Юга России. Он же ... э... правитель Юга России.

Фразу девица выдала явно заученную, но было не до детальных выяснений.

– Собирайтесь, у нас мало времени. Вернее его вообще нет.

И тут из-за ситцевой занавески вальяжно вышел командир бригады Даниил Пантелеймонович Засулевич, а за ним ординарец Слава Янберг. Комбриг тряс новеньким маузером, разглаживал слипшиеся от сивухи и капусты усы.

– Славно я вас провел. Правда? Я знал, что рано или поздно господа офицеры пожалуют за своей баронессой и не ошибся. Все, Гринвич, не знаю твоего настоящего имени, крышка тебе и твоим лазутчикам. Щетинина, дурака, наши разведчики недавно в штабе Врангеля видели. Мои ребятки уже всех скрутили, а как рассветет, так и порубают перед строем бригады как капусту. Посмотри на эту шмару, ну какая это баронесса?

За окном день набирал силу. Уже можно было разобрать дома поселка и суевившихся между ними красноармейцев. Они вытаскивали на улицу добровольцев с заломленными за спину руками. Кого-то гнали за хаты прикладами. Начали раздаваться выстрелы.

– Ну, тебя я шашкой рубить не стану, – продолжал издеваться Засулевич. – Все же за даму решил жизнью рискнуть. Похвально. Так и быть, с живого шкуру сдеру, а потом уж застрелю. А комиссара своего бывшего Щетинина в кипятке сварю. Нет, лучше тоже кожу сниму и отправлю в подарок командующему южным фронтом. Согласный с таким раскладом? Странные вы все же люди, господа белогвардейцы. Ведь товарищ Фрунзе вам отправил теле-

грамму: мол, грузитесь спокойно на свои корыта и уплывайте из Крыма на все четыре стороны. Нет, лезете на рожон, смерть свою ищите. Что ж, вольному воля.

Внезапно за окном вспыхнуло, затем грохнуло так, что крыша хаты провисла, засыпав комнату чердачным хламом и глиной с соломой. Потом взорвалось рядом еще и еще. Стена дома отлетела, расшвыряв в разные стороны всех находящихся внутри.

Грановский мягко приземлился у колодца. Взрывами накрывало весь поселок, дома, куреня, заборы, сараи разлетались как карточные конструкции. Грохот стоял невероятный. Засулевич ползал на четвереньках, словно чего-то искал. Возможно, выроненный маузер. Рядом с ним бессмысленно суетился ординарец Янберг. На разбитой в щепки черешне висело дымящееся тело девицы.

– Что это такое?! Откуда?! Кто стреляет?! – прорезался сиплый голос комбрига.

Воспользовавшись ситуацией, Грановский огрел поленом по голове красного командира, схватил за горло ординарца:

– Что за пальба?

– Видно, полковник Свиридов с севера в Крым пробивается.

– Вы же говорили, что он уничтожен, что его лично расстрелял этот... недоумок.

– Обманули, специально. А Фрунзе действительно телеграмму отправили, что Свиридов разбит, потому как командующий фронтом грозился повесить Засулевича за белогвардейское осиное гнездо в его тылу. Думали, беяки сами передохнут без воды и хлеба, а они вон живы.

– Откуда у Свиридова артиллерия?

– Не иначе бронепоезд захватил.

– Где настоящая баронесса, у Свиридова?

– Нет, мы ее случайно поймали, когда полковник Свиридов в очередной раз пытался пробиться к Арбатской Стрелке. Она в подвале разрушенной церкви, там за холмом.

Вообще, – беда с этой графией, – вздохнул Янберг. – Комбриг на ней помешался. Влюбился, как гимназист в курсистку. Каждый день цветы ей букетами носит. Я ему говорю – она классовый враг, а он – все мы из бывшего царского племени, наша задача воспитать нового человека. Из графини или из попа, неважно. Никого к ней не подпускает.

– Любит, а держал как рабыню в подвале, мерзавец. Веди, быстро.

Крупнокалиберные снаряды давно уже оставили от поселка одни обломки, а залпы орудий из-за леска все еще не смолкали. Бойцы – красные, белые, разбегались, ползли в разные стороны. Понять, кто свой, кто чужой было невозможно. Полковник Свиридов в отчаянной попытке прорваться, пороха не жалел.

Грановский увидел прыгающего к нему через кочки полковника Дубовала.

– Нужно уходить! – кричал тот сквозь грохот взрывов.

– Теперь без бронепоезда не пробьемся. Где железная дорога? – тряхнул он за воротник обезумевшего от страха ординарца Янберга.

– В полверсты отсюда, за высохшей речкой.

– Собирайте, полковник, наших бойцов, кого сможете и к поезду! Главное, чтобы свиридовцы нас теперь из пулеметов не покосили. И этого с собой прихватите, – кивнул он на расprostертого у колодца командующего бригадой. – Где Щетинин?

– В клозете сидел, первым снарядом в клочья вместе с будкой разнесло. Своими глазами видел.

Дубовал приказал двум следовавшим за ним казакам взять комбрига и тащить к высохшей речке, а сам побежал туда, где горели остатки поселка.

Ну, Свиридов, спасибо, устроил мясорубку не вовремя.

С холма Грановский увидел изрыгающий огонь бронепоезд. Только теперь он стрелял не по поселку, а в другую сторону, откуда к нему пытались приблизиться красные из армии Буденного.

И тут он заметил, что рельсы впереди поезда разворочены. Дорога в Крым Свиридову была отрезана. Все ближе и ближе к железному монстру ложились разрывы. По бронепоезду пристрелялась артиллерия.

Старая церковь оказалась в низине. Люк в подвал, на который указал ординарец, был закрыт на амбарный замок. Пришлось стрелять в него из револьвера.

Спускаясь по деревянной лестнице, штабс-ротмистр почувствовал запах воска, будто внизу шла церковная служба. Почти весь пол подвала был завален цветами. Где их брал в ноябре в таком количестве Засулевич, одному богу было известно. В углу топилась буржуйка. На топчане полулежала баронесса, закутанная в белый шерстяной платок. Сомнений не оставалось, это была она, с акварельной картинки. Точно в таком же красном платье, подобранным серебряным пояском с малахитовой ящеркой.

Только большие мешки под глазами. Видимо, сильно простужены почки. Без антибиотиков может случиться нефроз. Что? Нефроз? Опять чепуха в голову лезет.

Грановский щелкнул каблуками, представился, сказал, что нужно срочно уходить, за ней его прислал Петр Николаевич Врангель.

Как уходить, каким образом он не имел понятия. Уцелевшие добровольцы рассеяны по степи. Красные из 2 армии скоро будут здесь. Тем не менее, для начала нужно было выбраться из подвала.

– А где Даниил Пантелеймонович? – неожиданно спросила Крутицкая.

– Кто? – сразу и не понял Грановский.

– Засулевич?

– До него ли теперь? – нервно передернулся штабс-ротмистр. – Собирайтесь, мадам.

– Мадемуазель, – поправила Варвара Ильинична и вдруг капризно сбросила с плеч белый платок. – Без него я не пойду.

Что это еще за новости? – обомлел штабс-ротмистр, вслух же спросил:

– Причем здесь Засулевич? Скоро здесь будут красные.

– И пусть. Даниил Пантелеймонович обходился со мной как со светской дамой, каждый день цветы дарил. Обещал в Париж увезти, в «Бристол» поселить, по утрам в шампанском купать. А вы что можете предложить? Насколько мне известно, положение на фронте безвыходное, белая армия разбита. И чего ради я буду с вами, рискуя жизнью, пробиваться в Крым, а потом гнить в Константинополе? Ха. Мне это не подходит. И вообще, я влюблена в красного командира Засулевича. Он такой смелый, отчаянный, сильный. Не то, что вы.

Грановский никогда в жизни не оказывался в столь идиотской ситуации. Вот ведь женщины! Нет, легче с сатаной порой найти общий язык и предугадать его намерения.

Обернулся на ординарца Янберга, но тот только состроил отвратительную гримасу.

– Но я должен выполнить приказ! – взмолился штабс-ротмистр. – Я дал барону слово чести!

– Кому теперь нужно ваше слово? – хмыкнула баронесса. И как вы собираетесь тащить меня через укрепления красных, на плече? А догадалась, видимо, мой дядя распорядился подогнать к восточному побережью Азовскую флотилию. Все равно, без Засулевича не пойду.

Черт, выругался про себя Грановский. А ведь, в самом деле, как ее переправлять через линию фронта? Свиридовский бронепоезд наверняка положил половину добровольцев, а остальных теперь не соберешь, да и красные знают, что они лазутчики. Полный провал операции.

Янберг почесал подбородок, что-то нарисовал мыском сапога на пыльном полу.

– Есть один вариант.

– Да? – поднял брови штабс-ротмистр, не ожидая помощи от красного ординарца.

– Перелететь Перекоп на аэроплане. Здесь неподалеку стоит авиационный гарнизон. Я помогу. Только с одним условием – возьмете меня с собой. Честно признаться, мне давно опостылела эта война. Ну, победят красные, и что будет? Судя по тому, что они сейчас творят, ничего хорошего. А я давно мечтал о Париже. Между прочим, окончил юнкерское училище. Почти. Выгнали.

Еще один неожиданный поворот совсем сбил с толку Грановского, но он быстро взял себя в руки.

– Бог с вами, – выдавил он. – Присоединяйтесь.

– Я без Засулевича не полечу, – надула губки баронесса.

– Будет вам Засулевич, – махнул рукой ординарец.

Он побежал в угол подвала, разрыл руками яму, вынул большой кожаный саквояж. Когда расстегнул его, по подвалу забегали искры. Внутри саквояжа находились золотые украшения, разноцветные камни и бриллианты.

– Недаром под пулями бегал, – облизал губы Янберг. – Золотые плоды войны. Все равно бы сгинули. При коммунизме сокровища ни к чему.

Грановский сглотнул тяжелую слюну, но ничего не сказал. Теперь разговоры о политике и морали были бессмысленны.

Когда вылезли наружу, бронепоезд Свиридова уже наполовину завалился набок. По нему били прямой наводкой из крупного калибра. Последний вагон, вероятно с боеприпасами, взорвался и представлял собой грудку покоренного металла.

Добровольцев с Засулевичем, нашли в русле высохшей речки. Руки его были связаны сзади его же портупеей, во рту торчал кляп. Полковник Дубовал отсутствовал, все еще искал остальных.

Грановский приказал следовать за ним. Красный командир, увидев свою любимую женщину, замычал, задергал ногами. Ему поглубже запихнули в рот тряпку.

В стороне поселка горело и изредка взрывалось. Искать Дубовала или добровольцев не имело никакого смысла. Для каждого судьба теперь определила свою дорогу. Варвара Ильинична попросила обходиться с комбригом более бережно. Донцы ей пообещали и врезали Засулевичу хорошую затрещину.

Побежали, пригнувшись вдоль зарослей камыша и осоки по берегу соленого озера, затем снова высохшее русло реки, на холм и с него открылась площадка на летное поле. Вернее, это была обычная довольно ровная поляна, размеченная зелеными, синими и белыми флажками. У покосившегося ангара стояли два четырехмоторных биплана – гигантские бомбардировщики «Илья Муромец».

Красноармейцы подвешивали к самолетам бомбы, бросали в просторные кабины какие-то мешки. Бойцов было немного.

Внезапно, как из-под земли вырос полковник Дубовал с двумя десятками казаков и донцов. Они были изрядно потрепаны, в крови. Спрашивать где остальные не имело смысла.

– Без нас хотели улететь?

Не получив ответа, полковник снова спросил:

– И сколько человек каждая такая птичка сможет поднять?

– У птичек нет выбора, сколько надо, столько и поднимут, – ответил красный ординарец. —

Видел, что на Муромцах человек по десять на крыльях висело. Вперед!

Никто не удивился, что захватом командует красный ординарец Янберг, прижимавший к животу тяжелый саквояж.

С красноармейцами церемониться не стали, перестреляли за несколько секунд. Потом пожалели, что поторопились. Сгоряча убили одного из пилотов.

Самолеты оказались заправлены, готовы к взлету и второй летчик без лишних уговоров полез в кабину «Муромца». На его борту было написано белой краской: «Товарищ Троцкий». Другой самолет имел название «Ильич». Летчик возмутился, когда увидел, что «беляки» не только набились в кабину, но и повисли грушами на крыльях.

– Так не пойдет, мы не взлетим! – кричал он.

– Если не взлетим, то все останемся здесь. Навечно, – хладнокровно ответил полковник Дубовал, забравшись в кабину «Ильича».

– До Феодосии дотянем?

– Если не сшибут. Баки рассчитаны на пять часов полета, – обреченно пожал плечами пилот, застегивая шлем.

Баронесса ни за что не желала садиться в биплан, но тут на холмах вздыбилась земля, загрохотало. Еще пара минут и будет поздно. Барышня проворно нырнула в кабину бомбардировщика. Ей на колени свалили Засулевича. Сзади устроился ординарец со своими сокровищами. А Грановский уселся на место пилота, тупо глядя на руль и рычаги. «Прямо Боинг-747. Что? Какой Боинг?»

– Дроссель до упора и газ, – крикнул летчик из «Товарища Троцкого». – Руль – влево, крен вправо и наоборот. На себя – вверх. Понятно? Но сначала нужно пропеллеры раскрутить.

Добровольцы взялись за дело, как будто всю жизнь только этим и занимались. Вскоре на двух бипланах уже работали двигатели.

– Не оторвемся, – качал головой пилот, глядя на вцепившихся мертвой хваткой в крылья и стропы добровольцев.

Но «Муромец» довольно легко взмыл в воздух.

Биплан, которым пытался управлять Грановский, крутился на месте. Баронесса что-то кричала, мычал и командир 8 красной бригады с заткнутым ртом. Никто и не подумал вытащить ему кляп.

Работающий мотор поднял жуткую пыль, и в этом пылевом тумане вдруг нарисовалось перекошенное лицо полковника Щетинина.

– Не оставляйте, братцы!

Ординарец Янберг попытался спихнуть его с фюзеляжа сапогом, но тщетно. Полковник уже крепко вцепился ему в ногу. Откуда взялся?

Но, видно, Щетинина сам бог послал. Видя, что Грановский не может справиться с управлением, он перебрался в кабину и быстро надавил на нужные рычаги.

– Я на императорских курсах азы пилотирования изучал! – крикнул полковник штабс-ротмистру.

Через минуту и второй биплан с кучей народа на крыльях уже находился в небе. Воздух был прозрачен как хрусталь.

Вскоре внизу слева можно было разглядеть свежевырытые окопы большевиков. Красные задирали головы, приветливо махали руками и шапками. Вдали справа – Турецкий вал. Судя по редким дымкам, Русская армия еще пыталась держать оборону.

Жив ли еще командующий 1 армией Кутепов?

Попали в мощный воздушный поток. Как ни удерживал рычаги полковник, самолет неуклонно сносило к Перекопу. Грановского это не радовало. Сначала полковник Свиридов на своем бронепоезде уничтожил, чуть ли не всех добровольцев, шедших к нему на помощь, теперь свои же подобиют над валом.

Не успел об этом подумать, как рядом с бипланом начали раскрываться ватные бутоны. Было видно, что белые целятся в них и из винтовок. Удар в корпус, еще удар. Кабину заволокло сизым дымом, запахло гарью.

– Бомбы надо сбрасывать, – крикнул Дубовал, – иначе взорвемся!

Нажал куда-то и «Ильич» подбросило кверху, словно его пнули гигантским сапогом.

– Еще бы ваших солдатиков с крыльев сбросить, – хмыкнул Янберг.

Куда упали бомбы, было непонятно, то ли на красных, то ли на белых, только в биплан стали палить и те и другие. Грановский глянул на крылья и обомлел. Добровольцев, державшихся за реи крыльев, осталось всего двое.

Еще один разрыв швырнул самолет в обратную сторону от воздушного потока, и его почти перевернуло вверх ногами. Грановскому показалось, что он сейчас вывалится наружу. Каким-то образом Засулевичу удалось освободиться от кляпа, он завопил:

– Приказываю поворачивать назад!

За всех ответил его ординарец Слава:

– Все, комбриг, твоя власть осталась за Перекопом. Теперь сиди и молчи, если не хочешь полетать вместе с чайками.

– Что у тебя за сумка? – вдруг задергал скрученными сзади руками Засулевич. Он явно ее узнал.

– Правильно догадался, наш боевой общаг. Будешь хорошо себя вести, выделю тебе пару побрякушек на проезд до Константинополя. Обратной дороги к красным тебе все одно нет. Фрунзе с Якиром тебя лошадьми разорвут за обман со Свиридовым. Доложил, что с ним покончено, а он пол 13 армии из бронепоезда угробил. И как удалось ему в Мариуполе поезд угнать? По чьей халатности? Спросят ведь. За все спросят. Так что застынь и наслаждайся полетом.

Следующий хлопок наполнил кабину уже черным дымом.

– Свои! Свои! – высунулся в окно кабины ординарец, закашлялся. Кому он кричал, белым, красным или чайкам он и сам не знал.

– Все, – ударил по рычагам полковник Дубовал, – рули направления и высоты заклинило.

– И что теперь? – встрепенулась баронесса.

– А ничего, полетим, куда бог пошлет.

Внезапно снизу вынырнул «Товарищ Троцкий». Из двух его правых двигателей валил розовый дым. Показал весь свой гигантский фюзеляж и резко пошел вниз. Грановский потерял его из виду, так как неуправляемый «Ильич» вошел в сильный туман. Оставалось только молиться.

– Хорошо хоть компас работает, – крикнул полковник, а высоту не разберешь. Идем куда-то на юг, должно быть в сторону Алушты. Только бы в горы не врезаться.

После прекращения обстрела, гарь и дым пропали. Минут сорок самолет шел довольно ровно, натужно работая моторами. Вдруг правый двигатель зафыркал, а после этого заглох. Вскоре остановились и другие. Ужасающая тишина и свист ветра. Самолет начал планировать, заваливаясь на правое измочаленное осколками крыло.

– Видимо, баки пробило, – спокойно сказал полковник. – Падаем.

– Куда? – задал дурацкий вопрос Щетинин.

– Обхватите головы руками, – озвучил неизвестно откуда пришедшую мысль Грановский. – Прижмите их к коленям.

Сам он головы не опускал, пристально всматривался в клочья тумана, раздираемые тупым носом «Ильича».

Внизу показались скалы, потом плоскогорье, заросшее деревьями. В последнюю секунду он увидел, что самолет несется прямо на две огромные сосны.

Удар с двух сторон, оба крыла, вместе с донцами, срезало как бритвой, а фюзеляж с отвалившимся хвостом продолжал скользить по плоскогорью. Грановский влетел лбом в висевший впереди прибор, на миг потерял сознание.

А когда открыл глаза, понял, что кабина остановилась, зажата между валунами на краю обрыва. Жив! А баронесса?

Как ни странно, но и баронесса и все остальные, находившиеся внутри биплана, остались целы и почти невредимы. У всех, правда, на лицах были синяки и ссадины разной величины.

– Пудовую свечу в соборе Парижской богородицы поставлю, – подал голос Янберг, который так и не выпустил из рук саквояж.

– Ты сначала до него доберись, – проворчал комбриг Засулевич. – Да развяжите мне кто-нибудь руки, черт возьми. Мы, в конце концов, находимся на свободном Юге или все еще в Совдепии?

– Ишь, как заговорил, – хлопнул его по плечу бывший ординарец.

Когда стемнело, все беглецы сидели в мраморной пещере внутри огромной скалы. Полковник Щетинин высказал предположение, что они находятся у горы Чатыр —Даг, под Алуштой. Именно там есть такие дивные пещеры.

Впрочем, уточнить это можно было лишь утром, с рассветом, если погода позволит рассмотреть с высоты горизонт.

Среди сталагмитов и сталактитов развели костер, расположились вокруг. Баронесса села рядом с Засулевичем. Он снял с себя кожанку, накиннул ей на плечи.

Грановский никак не мог поверить в этот абсурдный романтический союз между большевиком и троюродной племянницей барона Врангеля. Впрочем, жизнь большая охотница на всякие сюрпризы и давно пора перестать удивляться ее выкрутасам.

Все шестеро пристально смотрели на огонь. Никто не хотел первым нарушать тишины, все еще ощущая липкое дыхание смерти. Первым заговорил Грановский:

– А хорошая у нас подобралась компания, ничего не скажешь. Три офицера Русской армии, один из них бывший комиссар красной бригады, баронесса, комбриг-большевик, в которого эта баронесса по уши влюблена и ординарец комбрига – грабитель и проходимец.

– Отчего же грабитель? – вскинулся Янберг. Я не один сокровища собирал. Вместе с товарищем Засулевичем. И другими боевыми товарищами.

– Вот именно, – кинул палку в костер бывший комбриг. – А теперь решил все себе забастать. Так не пойдет. Не по-человечески.

– Молчал бы уж! Вот я сейчас расскажу господам офицерам, как ты, комбриг, их брата живьем в землю закапывал, посмотрим, что они с тобой сделают.

– Не было такого! – вскочил Даниил Пантелеймонович и схватился за камень. – Расстреливал, каюсь, так то ж война. А теперь она для меня закончилась. И для всех, сидящих тут. Через пару дней последний пароход от Крыма отойдет, надо торопиться.

– Откуда такая осведомленность? – прищурился полковник Щетинин. – Ах, да и у вас контрразведка работает.

– Я вот что предлагаю, – почесал спину Засулевич. – Раз уж так распорядилась судьба, отмахиваться от ее подарков не стоит. Поделим золото. Поровну. Своим скажете, что это я помог полковнику Свиридову захватить бронепоезд. А уж что из этого вышло... Царство ему небесное. Герой. Положусь на ваше благородное слово, господа. И мы спокойно с Варварой Ильиничной сядем на пароход до Константинополя. А повезет, так и до Ниццы. Думаю, ее дядя создаст для нас самые подходящие условия. Ну и вас, господа офицеры, генерал за спасение родственницы вознаградит. Со всех сторон польза. В Крыму задерживаться нечего.

– Слышал бы вас сейчас товарищ Фрунзе, – сплюнул в костер полковник Дубовал.

Засулевич долго глядел не мигая на огонь. От этого его зрачки сузились, стали похожи на змеиные. Потом тяжело вздохнул:

– Шли бы они, эти пламенные революционеры, куда Маркс телят не гонял. Еще война не закончилась, а они уже грызутся между собой как тигры в клетке. Троцкий на Уборевича Ленину доносы пишет, а тот вместе с Бухариным под него яму роет. Но эти двое, так, чепуха. Слышали о таком Джугашвили? Он под Царицыным все сражения проиграл. Так вот, тот жук так жук. Помяните мое слово, именно он рано или поздно сожрет Троцкого с потрохами и Бухариным закусит. Короче, мне с ними не по пути. Судьба дважды не предлагает.

На раскрывшейся ладони Засулевича все увидели смятую винтовочную пулю.

– От французской винтовки Лебеля, 8 миллиметровка, – пояснил он. – Ваши палили, с Турецкого вала. В шпору попала, в каблуке застряла. Сохраню, потомкам своим завещаю, чтобы хранили как спасительный талисман. Так будем делить сокровища?

– А талисман тебе больше не понадобится, – хрустнул шейными позвонками Янберг.

Достал наган, взвел курок. Начал переводить ствол с одного на другого.

– Вот как, значит, – потер затекшие руки комбриг. – Пригрел гадюку на груди.

– В нагане семь патронов, на каждого хватит.

– Ага, последний как раз для твоей башки останется, – хмыкнул Засулевич.

Ординарец пропустил слова своего бывшего боевого товарища мимо ушей.

– Надоели. Да и зачем вам деньги? Вы уже все всласть пожили и мне теперь хочется. Барышню только жалко. И пояс у вас, Варвара Ильинична, знатный, старинный. У меня глаз наметанный — вещь дорогая. Не сообразовали ли мне сами его отдать? А то знаете ли, снимать с покойницы... Примета плохая.

– Вам ли к этому привыкать? – гордо вскинула голову баронесса, сдернула с себя древний пояс и зашвырнула в дальний угол пещеры. Реликвия ударилась о сталагмит, на секунду повисла на нем, а потом провалилась куда-то в бездну.

– Люблю гордых, – восхищенно тряхнул головой с редкими соломенными волосами Янберг. – А что, пойдешь со мной, баронесса? Зачем тебе этот комбриг? Уродство сплошное. Я же молодой, красивый. А?

В глубине пещеры капало и журчало, потрескивал костер, разбрасывая искры. Грановский был уверен, что уже когда-то переживал эту сцену, во сне, и готов был поручиться, что знает, чем она закончится. Или он ошибается?

– Почему бы и нет, – поднялась Варвара Ильинична, опершись на плечо Засулевича. — Комбриг не комбриг, какая теперь разница? Главное, в Париже без гроша не оказаться. Петр Николаевич Врангель – большой альтруист, бессребреник, думаю, и денег на эмиграцию не скопил. На него надежды нет. Уж лучше с ординарцем по Елисейским полям гулять, чем лежать мертвой в холодной крымской пещере. Отыщите мой пояс, Вячеслав.

– Еще одна змеюка, – процедил сквозь зубы комбриг.

Рот Янберга растянулся в улыбке. Он огладил свои давно не мытые волосы, сглотнул:

– Успею. Ну, кто хочет первым с архангелами побеседовать? – раскрутил он барабан нагана о бедро. – Вы, Щетинин? Или может, господин Грановский желает?

– Я не желаю, – спокойно ответил Грановский. – И вам советую закончить комедию. Дабы чего не вышло. Под Феодосией курсирует теплоход «Глория», нас ждет. На всех мест хватит. А наворованное добро можете оставить себе.

– Нам с Варварой Ильиничной лишние свидетели не нужны. Пристрелю-ка первым Засулевича. Черти для комбрига давно сковородку разогрели.

– Дайте лучше я, – протянула руку баронесса. – Сама хочу за все свои страдания с ним рассчитаться. Не любила я его, боялась.

– От тебя, Варвара, и смерти не усташусь, – откинулся на локти комбриг. – Все бабы стервы, правильно говорят.

Янберг еще не решил отдавать ли барышне револьвер, но она так решительно схватила Наган за ствол и дернула на себя, что у ординарца невольно разжались пальцы. Когда оружие оказалось в руках у баронессы, она отошла на три шага назад. Задумалась.

– А вообще-то, мне никто из вас не нужен. Дорогу до Феодосии и сама как-нибудь найду.

– Мадемуазель, – вскинул брови Щетинин, – ну уж от вас я этого никак не ожидал.

Полковник Дубовал сидел не шевелясь, словно все происходящее его вообще не касалось.

– А что, господа, – произнес он вдруг еле слышно, – нам всем, по большому счету, уже пришел конец. Думаете, в сокровищах счастье? Ошибаетесь. В Родине. А теперь ее нет ни у белых, ни у красных. Вместо России будет сплошной красный ад на земле. Уж поверьте мне на слово. И куда нам теперь, в Париж? И что там делать, кому мы там нужны? В Австралию уехать? Но ведь и там для русского человека – могильная тоска. Если честно, я согласился пойти на вырчку Свиридова, потому что надеялся, что меня убьют. Не убили. Почему? Теперь сию услугу мне предлагают то неотесанный большевик, то баронесса голубых кровей. Нет, господа, спасибо. Лучше я сам сделаю свой выбор.

С этими словами он расстегнул кожанку и вынул из внутреннего кармана французскую гранату F-1, похожую на чугунный лимон. Без лишних движений выдернул кольцо, отпустил сдерживающий ударник рычаг. Щелчок и скоба отлетела в сторону, из взрывателя потянулся голубой дымок.

Грановский и Щетинин упали на спины, Засулевич начал мелко креститься, Варвара Ильинична, кажется, ничего не поняла, а Янберг побежал прочь, споткнулся, стал с завыванием отползать к сталактитам и сталагмитам. Саквояж с бриллиантами упал, раскрылся. К галифе ординарца каким-то образом прицепился массивный кулон с красным камнем на золотой цепочке. Три секунды, четыре, взрыва нет. Штабс-ротмистр вскочил на ноги, прыгнул на баронессу, упали за валун.

Вспышка... Свет завертелся вихрем, стал закручиваться в воронку, куда-то потянул с бешеной скоростью. В ушах – разрывающий барабанные перепонки свист. Грановскому казалось, что он летит быстрее звездолета. Звездолета? Что это еще такое? Но все мысли вскоре пропали. Остался только дикий страх от глубины и непостижимости засасывающей бездны. Опять вспышка.

Вращение прекратилось, в ушах стихло. Безмолвие и покой. Сквозь молочную пелену он увидел склоненное к нему непропорциональное лицо великана. Глаза гиганта улыбались. Где я его видел?

– Ну, слава богу, – сказал великан. – Очухались. А я уж думал, кранты экспериментатору.

Сознание быстро возвращалось к врачу-урологу. Но путано, жизнь собиралась из разновременной мозаики.

– Колбасник? – вдруг вспомнил Гринвич. – Вы зачем из гранаты чеку выдернули? Она взорвалась?

– Да, капитально вы себя отравили. Как бы совсем умом не тронулись. А про колбасника-это вы в точку. Он самый. Скалодуб Виталий Николаевич. До глубокой ночи ждал, что позвоните. А когда не дождался, нутром почувствовал, что в беду попали.

– Так граната не сработала? Впрочем.... Как вы меня нашли?

– Больниц на Юго-западе много, а урологов с фамилией Гринвич – всего один. Поехал в клинику, вытребовал ваш адрес. Хорошо вы входную дверь не заперли, высаживать не при-

шлось. Захожу на кухню, а вы белый как простыня и бездыханный. Желтая пена изо рта. Ну, думаю, крышка теоретику. Пощупал, а пульс есть. Ну, я быстрее скорую помощь вызывать. Откачали.

В палату быстрой походкой вошел доктор в запятнанном кровью халате, надел мощные очки, склонился над Гринвичем.

– Жить будет, – почесал он широкие как у орангутанга ноздри.

– Вас кровью забрызгало, – попытался приподняться Александр, чуть не оборвав присоединенные к нему трубки. – Я вас узнал. Вы комбриг 13 армии Засулевич. Вы тоже в пещере были.

– Все там были, – охотно подтвердил доктор и потянул за рукав Скалодуба. – В реанимации посторонним не положено. И так уж вам на встречу пошли. Все, все, больному нужен покой.

– Где баронесса?! – все же оборвал одну из трубок Гринвич. – Я обещал генералу Врангелю доставить ее на борт «Глории»!

Доктор сочувственно покачал головой, помял двойной подбородок.

– Думаю, придется переводить в другое отделение, – опустил он руку на плечо великана, – апаллический синдром, бодрствующая кома с галлюцинаторной спутанностью сознания на фоне экзогенной интоксикации. Без томографии невозможно установить степень повреждения мозга. Хотя... Чем черт не шутит, может, сам выкарабкается. Сестра, Варвара Ильинична, поставьте больному димедрол с морфином. Пусть поспит пару дней, посмотрим.

К кровати приблизилась полная медсестра со шприцем наготове, как будто только и ждала команды доктора.

– Варвара Ильинична! – подскочил на кровати Гринвич, – Златовласка! Не верьте Янбергу, он вас обманет! А где ваш пояс с малахитовой ящеркой? Ах, да, вы же его выбросили в пещере... Полковник Дубовал, то есть, господин Скалодуб, не уходите, я должен вам сообщить нечто важное....

Заседание клуба «Желтый карлик» состоялось теперь уже в начале октября. Метеориты на Землю больше не падали, НЛО нигде не приземлялись, поэтому обсуждать особенно было нечего. Однако прерывать деятельность общества надолго правление не хотело, могут ведь и забыть. Тему объявили такую: «Вспышки сверхновых, как возможные послания иных цивилизаций». Проблема явно была высосана из пальца, так как даже начинающие астрономы знают, что гамма-всплеск – это гигантский выброс энергии во время взрыва сверхновой. То есть – момент коллапса звезды в черную дыру.

Однако пришли почти все члены клуба, приехал и представитель Роскосмоса Щёткин. Любителей привлекли не гамма-всплески. Разнесся слух, что на заседание придет Александр Гринвич. Тот самый полоумный врач-уролог, утверждавший, что во всех нас живут некие существа из виртуального мира – виобры. Чушь, конечно, но интересно ведь узнать чем закончился его эксперимент. Говорили, что долгое время после опыта он провел в клинике.

Обстоятельный доклад как всегда делал уфолог Закамский, развесив на высокой трибуне чертежи и схемы. Председательствовала, конечно, госпожа Крупицина и, не изменяя привычке, регулярно постукивала карандашом по пузатому графину.

– Однако гамма-всплески, будем реалистами, – увлеченно вещал Даниил Пантелеймонович, – представляют немалую опасность для Земли. Возможно, именно гамма-всплеск стал причиной вымирания 443 миллиона лет назад 60% живых существ на нашей...

Закамский не закончил фразу. В дверях зала показался врач-уролог собственной персоной.

За его спиной горой возвышался член клуба любителей астрономии, миллионер Скалодуб. Колбасник держал в руках большой сверток из желтой оберточной бумаги.

– А-а, – расплылся в улыбке уфолог. – Наконец-то. Слава богу, вас уже выпустили из психиатрической лечебницы. Наслышан, так сказать, о ваших мытарствах. Милости просим. Ха-ха.

Многие любители повскакивали с мест. Звон графина, на котором скакала крышка, потерялся в шуме голосов.

Александр Данилович взял у Скалодуб сверток, напрямик направился к председательскому столу. Не реагируя на продолжающиеся подковырки уфолога, развернул бумагу и продемонстрировал любителям астрономии что-то среднее между обломком бивня мамонта и помятым куском арматуры.

– Это часть пропеллера от самолета «Илья Муромец», разбившегося в горах Крыма в начале ноября 1920 года.

Крупичина подалась назад. От человека с нездоровой психикой с куском железа в руках можно ожидать чего угодно.

– На всякий случай я связался бы с медиками, – хихикнул перезрелый студент Янсон, не отрывавший пристального взгляда от странного предмета.

– Уберите со стола металлолом, – вытерла пот со лба, а потом высморкалась председательша. – Мы... обсуждаем сейчас очень важную тему гамма – всплесков.

Гринвич прямо из горлышка ополовинил графин с ее стола, нагнулся к руководительнице клуба:

– Скажите, Вера Игнатьевна, в вашей семье говорили о какой-нибудь значимой семейной реликвии, которая была безвозвратно утеряна?

– Ну, – замялась Крупичина, – прабабушка была дворянкой. Родственники в Гражданскую войну уехали в Польшу, в 39 были репрессированы. Что случилось с прабабкой, не знаю. Да, говорили, о серебряном поясе то ли с гранатовой головой змеи, то ли малахитовой. Якобы этот пояс носила еще княгиня Ольга. Но к сожалению...

– Не этот ли? – вынул из портфеля Гринвич пояс из потемневших от времени, чеканных серебряных пластин. Вместо пряжки – часть малахитовой головы ящерицы.

Зал ахнул. Крупичина поднялась, протянула к поясу руку.

– Откуда это у вас?

– Из мраморной пещеры, куда вы, я, Закамский, Скалодуб, Янсон и, конечно, наш уважаемый представитель Роскосмоса Щёткин попали сто лет назад после крушения самолета с гордым названием «Ильич». На нем мы сбежали от большевиков.

– Я же говорил нужно набирать «03», – подбежал к столу Янсон, оттолкнув уфолога. Сам же принялся ощупывать пояс, пробовать его чуть ли не на зуб. Александр ему не мешал.

Под его локоть усиленно совал голову уфолог. После долгой паузы Янсон сокрушенно произнес:

– Господа, до того как увлечься астрономией, я долгое время интересовался археологией. По моей предварительной оценке пояс действительно старинной работы, но нужна экспертиза.

– С чего бы это у вас такая тяга к раритетам, Янсон? – отобрал у него пояс Гринвич. – Уж не потому ли, что вам самому по наследству досталась редкая уникальная вещица, которую вы от всех скрываете и позволяете себе глядеть на нее только по ночам? Массивный кулон с красным камнем на золотой цепи. Гранат «Око дьявола» был найден французскими солдатами в Египте и подарен Наполеону. В Париже его огранили и вставили в оправу. В 1812 году кулон был найден у мертвого бригадного генерала Жерара де Монтье. Я навел справки. Ну, Янсон или вернее сказать, Янберг, так ли это?

Студент замычал, будто к нему подвели электричество, опустился на свободный стул за председательским столом, где ни жива ни мертва сидела Крупичина. Рядом застыл в скрюченной позе уфолог.

– Да, но это ничего не доказывает, – почти не открывая рта, заговорил Закамский. – Вернее, не доказывает вашу гипотезу виртуального мира. Пояс вы могли украсть из музея, а Янсона напоить и выведать у него тайну о кулоне.

– Не тешьте себя пустыми надеждами, Засулевич. Извините, Закамский. И выбросьте свой амулет в виде 8 миллиметровой пули от французской винтовки Лебеля, что постоянно носите на шее. Он вам никогда не приносил удачи и не принесет. Ваш посмертный удел – читать дурацкие лекции об НЛО и пришельцах лопаухим простакам в таких клубах как «Желтый карлик».

Все повскакивали с мест, сгрудились возле уфолога, а он машинально приложил руку груди. Даниил Пантелеймонович явно носил амулет, об этом говорил кожаный шнурок, заметный под воротником рубашки.

– Расстегивайтесь, – приказала Крупицина.

И Закамский не посмел послушаться. Через несколько секунд все увидели сплюсненную пулю на черном кожаном шнурке.

В зале поднялся страшный гвалт.

«Что же это такое?» «Неужели уролог и в самом деле побывал в 1920 году, а все мы виобры из виртала?» «Не может такого быть, все заранее подстроено. И председательница с ними заодно. Сенсации хотят, телевидения».

– Хорошо, – поднялся молчавший до этого представитель Роскосмоса Щёткин. – А у меня ничего не осталось памятного от того трагического времени?

– Не видел, не знаю, – подумав, ответил Гринвич.

Завернул в бумагу обломок пропеллера, направился к выходу. За ним последовал Скалодуб. В дверях врач остановился:

– Баронесса Крутицкая была поистине Златовлаской, как вы, госпожа Крупицина. Ее серебряный пояс мы нашли с господином Скалодубом в мраморной пещере под Алуштой.

Колбасник широко кивнул, пристально следя за залом, как опытный телохранитель. А тот продолжил:

– Я все наблюдал собственными глазами. Вы Щёткин, служили в Добровольческой армии генерала Деникина под фамилией полковника Щетинина, а когда Антон Иванович весной 1920 ушел с англичанами, потеряли веру в победу. Переметнулись к большевикам. Они с радостью вас приняли и сделали комиссаром 8 бригады 13 армии под командованием Засулевича. То есть Закамского.

– Что? – чуть ли не задохнулся уфолог.

– Интересно, – прищурился сотрудник космического ведомства.

– Так оно и было, Нестор Самуилович. Когда вы попали в засаду уже к белым, на коленях просили барона Врангеля о пощаде, и он вас пожалел, вернул погоны и даже позволил смыть позор героическим поступком – помочь пробиться в Крым полковнику Свиридову и спасти находящуюся у него баронессу Крутицкую.

«Вот почему у нас ракеты постоянно падают, одни предатели в Роскосмосе», – зашептали в зале.

– Вы уже поняли, – говорил спокойно Александр, – что баронесса Крутицкая – теперь никто иная как Вера Игнатьевна Крупицина. Но весь план спасения, в котором принимал участия и я и полковник Дубовал, то есть Скалодуб, рассыпался. Свиридов захватил у большевиков бронепоезд под Мариуполем и, приблизившись к позициям красных, начал палить по всем без разбору. Положил больше половины добровольцев из нашего отряда, которые хотели его спасти. Пришлось бежать на аэроплане. В том числе и комбригу. Он обманул Фрунзе, сообщив ему о разгроме Свиридова. Засулевичу светил трибунал. Перед побегом через линию фронта

ординарец Засулевича Янберг, наш многострадальный студент Янсон, прихватил награбленные во время войны ценности. Но позже отказался делить их со своим комбригом.

– Сволочь! – воскликнул вдруг Закамский. — Так-то ты со своим командиром!

– А в вас, Даниил Пантелеймонович, по уши влюбилась баронесса Крутицкая и ни за что не хотела с вами расставаться.

– Что? – подскочила, опрокинув графин Крупицина. – Я влюбилась в этого старого, кривонногого идиота? Да никогда бы в жизни.

Закамский сразу подобрел, задержал подбородком, кажется, даже подмигнул бывшей баронессе.

– Чем же все закончилось? – нетерпеливо спросил Щёткин.

– Янсон предложил Крупициной – Крутицкой бежать с ним в Париж, наплевав на красного командира. Она вроде бы согласилась, но в последний момент выхватила у него револьвер и решила ухлопать всех, кто находился в пещере. В том числе и меня. Одной легче с сокровищами разобраться.

– Не может быть! – воскликнули все хором и недобро, даже с угрозой посмотрели на председательницу.

Крупицина залилась сначала красной краской, потом зеленой.

– Такого не могло быть по определению, – выдавила она из себя. – Как бывший секретарь парторганизации... Как баронесса.... Да кому вы верите?! И чем же, позвольте спросить, закончилась ваша галлюцинация?

– Моему нынешнему другу и соратнику Скалодубу, а тогда полковнику Дубовалу, надоело терпеть свару в пещере. Да и без родины он не мыслил своей дальнейшей жизни. Достал гранату и выдернул чеку. Это последнее что я помню.

Зал затих. Мало того, все застыли в позах, будто в гоголевской комедии, узнав о приезде настоящего ревизора. Неужели и в самом деле существует Большой виртуальный мир, а мы, бестелесные существа лишь играем в компьютерную игру, заняв места в биологических оболочках?

– Все это чушь, я не верю ни единому вашему слову! – взорвался уфолог. – По-вашему получается, что виобры каждый раз находят для себя похожие тела и сохраняют при этом имена. Зачем же меняют фамилии?

– Не знаю, пожал плечами врач-уролог. – Возможно, они играют сразу в несколько игр. Или переходят от одной игры к другой, предоставляя на время истинного человека самому себе. За каждым закреплен некий ник. Тащить через десятилетия или века одни и те же фамилии слишком обременительно и ответственно перед историей, а имена ни к чему не обязывают. Что же касается внешности... В некоторых компьютерных играх тоже можно выбирать или создавать свой облик. Пристрастия, как правило, не меняются.

– Бред и еще раз бред, – выдохнул, будто из последних сил уфолог.

Никто из участников крымских событий на этот раз его не поддержал.

Закамский опустил на пол и принялся жевать край своего ватмана.

А утром у Гринвича зазвонил мобильный телефон. В него долго тяжело дышали, наконец, произнесли:

– Вас беспокоит Нестор Самуилович Щёткин из Роскосмоса. Видите ли, вы наверняка собираетесь продолжить свои путешествия. Так вот, большая просьба, взять меня с собой. В целях сбора научных доказательств вашей... хм, гипотезы.

– Ну что ж, – согласился врач-уролог. – Приходите, обсудим детали. С помощью господина Скалодуба я собираюсь усовершенствовать свою систему перемещения. Сделать ее более безопасной и простой.

– Я уже здесь, на вашем пороге.

Александр неторопливо потушил сигарету, запахнул полы халата, открыл входную дверь.

За ней стояли и смотрели на него преданными и испуганными глазами все те, кто участвовал в крымской драме. Госпожа Крупичина сжимала подмышкой две бутылки шампанского, а уфолог Закамский держал за ниточку круглую коробку с тортом. Студент Янсон просто глупо улыбался.

– Добро пожаловать, виобры, – ухмыльнулся Гринвич.

Среди поваленных на столе серебряных кубков и кувшинов раскачивался, обхватив голову руками, князь Красемир. Рядом с задумчивыми лицами сидели его приближенные и родственники жены Брониславы. Тоже князья и знатные воины. Чесали бороды. Красемир выпил меда, ударил кулаком по столу:

– Ведь предупреждал же князь Вадим! И кто, я вас спрашиваю, насоветовал этому старому пню Гостомыслу призвать в Новгород дикого зверя и нелюдя Рюрика со своими русями...? Сам бы старейшина своей трухлявой головой не додумался. Накинули аркан на шею, дышать невозможно...

– Есть задумка, князь, – оперся локтями о нечистый стол витязь Воята. – Рюрик чрез седмицу на свое Ладожское Городище собирается с малой дружиной, там его втихую можно и прижать. Слава Перуну, Трувор и Синеус померли, Гудбранд у римлян сгинул, помощи Рюрику ждать неоткуда. Без него все руси разбегутся. Сами править будем, как прежде...

«Верно, верно, добрые слова Воята сказывает» – усердно закивали головами, затрещали суставами пальцев на огромных кулачищах Зареслав, Гридя, Далебор и Лиховид.

Часть II

Временной континуум

– Если существуют черные дыры, то из этого логически вытекает, что во вселенной должны быть и кротовые норы, – лихорадочно и восторженно рисовал что-то воронкообразное на доске профессор Черепахин. От Арнольда Ивановича исходили энергия и свет сверхновой звезды. – А кротовые норы, это нечто вроде туннелей, соединяющих удаленные области в пространстве. Да, да, машина времени, которой рано или поздно научится пользоваться человечество. Будем ездить как на автомобиле из прошлого в будущее и обратно. Вот так.

Академик нервно положил кусок мела на край доски, который упал, раскололся, обдав его стоптанные ботинки белой пылью. Отерев мысок правого башмака о штанину, Черепахин победно взглянул сначала на оператора, потом на корреспондента.

– Ну, как вам интервью, вызовет резонанс?

– Обязательно, – кивнул журналист Юра Липатов. Перед интервью он часа два читал в Интернете про черные дыры, сингулярность, теорию струн, ничего не понял, но теперь все же решил блеснуть эрудицией. – Однако, из уравнения Эйнштейна следует, что кротовая нора закроется раньше, нежели путешественник успеет через нее пройти.

– Да, – охотно согласился Арнольд Иванович, – если ее не будет удерживать материя с отрицательной плотностью энергии. А ее существование уже доказано и теоретически и экспериментально. Но об этом мы побеседуем в следующий раз. Хорошо?

Свет сверхновой погас, академик неловко подхватил кипу бумаг со стола и, теряя по дороге листы, вылетел из собственного кабинета. Обычно журналистов никогда и никто не оставляет в кабинетах одних. Астрономы – люди не от мира сего, что с них взять? – ухмыльнулся Юра.

Липатов обвел уставшим от лекции взглядом глобусы, телескопы, карты Луны и Марса. Он давно занимался научно-популярной темой и считал путешествия во времени фантастикой, детскими вымыслами. Нет, приблизившись к скорости света, теоретически можно попасть в будущее, но прошлое от нас закрыто однозначно. Поэтому ему было удивительно слышать от уважаемого ученого, да еще ректора института такие речи. Если бы о перемещении во времени рассказал, скажем, уфолог Вадим Чернобров, другое дело. Без вопросов. Но академик Черепахин! И не боится, что коллеги засмеют.

Встречу с профессором-космологом Юра вспомнил теперь не случайно. Утром в редакцию позвонил какой-то ненормальный и сообщил, что сконструировал машину времени. Подобные изобретатели, а также создатели препаратов от рака часто надоедали в 90 годы. Задача была их понятна: попасть в телевизор, пропиариться и по легкому содрать денег с доверчивых граждан. В последнее время они не проявлялись, видно, поняли, что дураков больше нет.

А тут на тебе. Липатов хотел сразу повесить трубку, но делать утром в редакции было совершенно нечего, и он, чтобы развеять скуку, решил немного поболтать.

– И как называется ваш агрегат? – развалившись в кресле и закуривая сигарету, спросил Юра.

– Об установке речи пока не идет, – спокойно ответил изобретатель. – Это небольшая техническая система, генерирующая так называемый электромагнитный пузырь, в котором пространство-время меняют свою кривизну и пересекаются. Согласно общепринятым представлениям, Вселенная имеет три пространственных измерения и одно временное...

– Допустим, что дальше, – перебил Юра.

– В 1943 году на одной из своих военных баз американцы поместили в подобный пузырь эсминец. И он пропал, а появился за сотни миль. Члены экипажа говорили, что они побывали в другом времени, но их сочли сумасшедшими.

– Не удивительно. У вас дома тоже стоит эсминец?

Липатов специально пошел на обострение разговора. Ненормальные обычно начинают бурно реагировать: кричать, даже угрожать и тем самым выдают себя с головой. Но спокойствию этого чудака можно было позавидовать.

– Я помещал в пузырь таракана.

– Да, у каждого в голове свои тараканы, – вставил банальную фразу Липатов и сам же от нее поморщился – перебор.

И здесь мимо. Звонивший гражданин продолжал гнуть свое.

– Насекомое исчезло из контура через пять минут после включения системы, а появилось только через полчаса. Хотя, может, и раньше. Я обыскал всю квартиру и обнаружил таракана на кухне, в мойке.

Юра расхохотался так, что за окном заходила ходуном Останкинская башня. Такого положительного эмоционального заряда он не ожидал получить с утра пораньше. Хорошо, однако, что на летучку приехал раньше времени. Хоть посмеяться от души.

– В мойке, а в холодильнике не пробовали искать?

– Вы, вероятно, не поняли. Насекомое находилось в герметичном контейнере. А других тараканов в моей квартире не было. Да и вообще, они исчезли из крупных городов. Влияние компьютеров и мобильной связи. Разве не читали?

Об этом Липатов, конечно, читал, поэтому несколько снизил иронию.

– Предположим, таракан каким-то чудом попал на кухню. Но вы-то говорите о перемещении во времени. С чего вы решили, что он находился полчаса в прошлом или будущем?

– Таракан вырос на четыре миллиметра. Если бы он попал в будущее, время для него двигалось бы медленнее, чем для нас. Мы бы состарились, а он бы остался прежним. Да, насекомое было помечено зеленой краской, ошибки быть не может.

Вспомнив, что должен через час озвучивать текст, который еще нужно вычитать, Липатов решил закончить бессмысленный разговор. И все же поинтересовался:

– Так что представляет собой ваша система?

– Под действием плазмы в мощном гравитационном поле меняется пространственно-временной континуум. Подробности по телефону ни к чему. Приезжайте, увидите.

Послышался писк открывающейся входной двери. В комнату ввалился звукорежиссер Слава Булатов.

– Ты все еще здесь, а я тебя давно у микрофона жду!

– Договорились же через час, – не отрывая трубку от уха, проворчал Юра. – Иду сейчас. – Отключил, было, телефон, не попрощавшись с изобретателем, но вовремя опомнился – со зрителями, кто бы они ни были, нужно обходиться вежливо. – Дорогой изобретатель, когда сделаете настоящую установку, чтобы можно было не только тараканов, но и людей перемещать во времени, тогда звоните. Обязательно приедем, а сейчас, извините, дела. Спасибо, что смотрите нашу программу.

– Для такой установки нужен мощный источник энергии и иная компьютерная программа, – ответила напоследок трубка. Но Липатов уже не расслышал последнюю фразу. Собрал, разбросанные по двум столам тексты, отравился на озвучку.

Вспомнил об изобретателе только вечером, поинтересовался у коллег, не звонил ли снова некий чудака, что создал машину времени? Нет, никто с этими глупостями, слава богу, не приставал. Значит, не законченный дурак, решил Юра. Ненормальные граждане обычно называют целый день, пока не достанут всю редакцию.

Изобретатель объявился через девять месяцев. Сказал, что удалось собрать плазменный генератор электрического тока необходимой мощности, разработать программу, способную контролировать физические процессы на уровне нейтронов и протонов, словом, рабочая установка готова. На этот раз представился – инженер Олег Евгеньевич Вяземский. Оставил номер телефона. Юра машинально записал его на газете и забыл. У передачи и так хороший рейтинг, нет необходимости снимать жареные сюжеты. Пусть этим РЭН ТВ занимается. Но через час в офис влетел взъерошенный продюсер Петя Бестужев. Сказал, что репортаж о нанотехнологиях канал снял с эфира, заподозрил скрытую рекламу, нужно ставить в программу другой материал.

Легко сказать другой. Все готовые сюжеты заперты в сейфе у режиссера. Он улетел с любовницей в Венецию, а две пары ключей увез случайно с собой. Будет только через три дня.

– Придумай что-нибудь, – смотрел на Юру продюсер собачьими глазами, – тряхни стариной, сними сюжет.

Юру недавно назначили шеф-редактором, и снимать сюжеты в его обязанности уже не входило. Но другие журналисты, как назло, уже разбежались по домам.

– Что я тебе сейчас сниму? – огрызнулся Липатов. – Лето, институты опустели, все загорают, и кто монтировать будет?

– Возьмем режиссера у соседей на прокат. Кто-нибудь из операторов еще здесь? Бери любого, снимай, что душе твоей угодно.

– Моей душе угодно выпить красного вина и лечь на даче спать в яблоневом саду.

– Потом, потом. В ресторан свожу.

Липатов, сплюнул, нужно было сваливать с работы раньше.

Открыл записную книжку. Ну и кому прикажете звонить? Институт молекулярной генетики, Центр управления полетами.... На столе заметил газету с фамилией и телефоном изобретателя. Покусал губы, почесал подбородок. Стукнул кулаком в стенку.

– Эй, продюсер, есть тут один гражданин, он машину времени изобрел.

– Езжай к кому хочешь, хоть к Ньютону.

– Вместе поедem, шоферов уже отпустили, сам за руль сядешь.

– Не впервой.

– Предупреждаю, скорее всего, изобретатель псих.

– Эка для тебя невидаль!

Да уж, с кем только не приходилось сталкиваться за время работы в научной передаче, а материалы, и вполне приличные, в эфир выходили. Набрал номер, откашлялся.

– Господин Вяземский?

Инженер сразу узнал Липатова, согласился принять съемочную группу хоть ночью. Жил он, как оказалось, в Подмоскoвье, километрах в сорока от столицы, в поселке Востряково.

Оператор Миша Сотников, которого поймали уже в дверях офисного центра, хмуро загрузил в машину продюсера «железо», с обиженным видом расположился сзади. Петя завернул на заправку, залил полный бак бензина и через полупустое третье кольцо быстро вырулил на Симферопольское шоссе. Когда выехали за город, Липатов еще раз предупредил:

– Возможен клинический случай.

– Все они, изобретатели, не от мира сего, – только и ответил продюсер.

В поселке Востряково первая же бабка указала на дом изобретателя. Когда в один голос сказав «спасибо», двинулись дальше, она многозначительно покрутила указательным пальцем у виска. Кому это в первую очередь предназначалось, изобретателю ли или телевизионщикам, осталось для Юры загадкой, который наблюдал ее реакцию в боковое зеркало. Дом за неплотным, но высоким забором оказался двухэтажным, каменным, крытым зеленым андулином.

К калитке тут же подбежала удивительно красивая, рослая, светло-коричневая собака с белым пятном на груди. Оглядела всех пронзительно умными, приветливыми глазами, тявк-

нула, завиляла хвостом. Что за порода Юра определить не смог. Кажется, некая помесь немецкой овчарки и лабрадора. А может и среднего пуделя. Но от овчарки что-то было определено.

Собака по-хозяйски вежливо проводила гостей через вишневый сад до высокого крыльца, легла. Вскоре на нем появился хозяин. Это был среднего роста, одетый во все светлое, кроме изумрудного шейного платка, пожилой мужчина. Черные волосы и темный загар лица, резко контрастировали с небольшой пепельной бородкой. Инженер походил на практикующего индивидуальным порядком косметолога. И никакой хитрости и безумных искр в глазах, свойственных многим изобретателям.

Не обременяя гостей рукопожатием, пригласил в дом, указал на овальный стол, за которым все четверо и расположились. Рядом легла собака, не сводящая преданного взгляда с хозяина. Повисла тишина. Юра решительно не знал с чего начать разговор. С кем только не приходилось общаться – и с президентами и с министрами, а тут растерялся. Ну не вязался образ этого интеллигентного человека с машиной времени, в существование которой нормальному человеку поверить просто невозможно. В комнату заглянуло вечернее солнце. Глаза инженера сделались такого же цвета, как и шейный платок, изумрудными. Они были глубокими и несколько усталыми.

– Ирна, – наконец, сказал Вяземский, – принеси, пожалуйста, мою трубку.

Собака послушно поднялась, выбежала в соседнюю комнату и вскоре вернулась с небольшой коробкой в зубах, на которой был нарисован лист табака.

– Спасибо, – принял хозяин коробку, вынул из нее широкую курительную трубку с золотым колечком посередине. Закурил. – Так с чего начнем? – спросил он гостей. Может, сначала осмотрим установку, а я дам пояснительные комментарии? —И не дожидаясь ответа, встал, протянул руку в сторону закрытой двери. – Прошу.

Дверь вела в просторный подвал, залитый ярким светом люминесцентных ламп. В дальнем правом углу Липатов увидел длинную установку, похожую на магнитно-резонансный томограф. И никаких разбросанных отверток, приборов, никаких проводов или чего-то лишнего, что обычно валяется в мастерских изобретателей. У стены стояли две металлические фляги с надписями «N2, жидкий азот».

Инженер подошел к своему детищу, соединенному, как заметил Юра, с компьютером множеством проводов, провел ладонью по глянцевой крышке.

– Вы правы, – уловил он мысли Липатова, – машина сделана на основе обычного томографа. Зимой сгорела районная больница, я выкупил уцелевшие части МРТ, восстановил и использовал для установки. Начинка, разумеется, иная.

Миша Сотников недоверчиво покосился на инженера, по-простому спросил:

– Во сколько же это чудо техники вам обошлось?

– Я человек небогатый, – развел руками Вяземский. – Более того, инвалид второй группы. Приобрел и модернизировал на свои сбережения. Объясню принцип работы.

– Да, пожалуйста, – охотно согласился Липатов.

Собака подошла к хозяину, гавкнула.

– Я все помню, Ирна, не подсказывай, – погладил он ее по голове.

Коллеги переглянулись. Липатов подмигнул Пете, мол, начинается цирковое представление. Но он ошибся. Ирна спокойно легла у двери, а инженер приглушил в подвале свет, включил большой настенный монитор, на котором появилось изображение спиральной галактики. Взял лазерную указку.

– Я видел в вашей передаче профессора Черепяхина. Он рассказывал о черных дырах во Вселенной и что они, вероятно, являются кротовыми норами, через которые можно путешествовать во времени.

Юра многозначительно кивнул, вспомнив беседу с космологом Черепяхиным, но перебивать инженера не стал. А тот продолжал:

– Микромир – идентичен макромиру. В пространстве все взаимосвязано. Черные дыры образуются везде. Только в микромире они живут миллиардные доли секунды. Через них тоже можно проникать в прошлое или будущее.

На этот раз Липатов не удержался:

– Как же в них попасть, мы большие, они маленькие?

– Достаточно одного протона и одного нейтрона вещества. Вообще, хочу заметить, что органическая жизнь в нашем мире была бы невозможной, если бы разница между массами нейтрона и протона всего на один процент превышала ту, которая реально существует. Но, исходя из концепции множественных миров, нейтроны и протоны, в принципе, могут иметь иные массы в параллельных вселенных, где абсолютно иные законы физики. Разнообразие же непохожих или повторяющихся параллельных миров практически бесконечно. Если нельзя вернуться в прошлое в нашем мире, то можно попасть в него в параллельной, абсолютно идентичной нашей, Вселенной. Я считаю, что лилипутские кротовые норы как раз соединяют не разные части нашей Вселенной, а именно параллельные миры. Пробравшись через эти норы, частицы никогда не проскочат мимо копии своей Вселенной, она по любому их притянет, так как изначально примет за своих. При путешествии во времени главная задача запрограммировать частицы на то или иное расстояние, чтобы попасть в то время, в какое требуется. Понятно излагаю?

Ответом была тишина. Оператор не стал дожидаться команды, включил камеру. Вяземский не обратил на нее никакого внимания, словно каждый день давал интервью. Это было редкостью, чтобы человек совершенно не менялся после начала съемки. Продюсер Петя, стараясь не мешать разговору, в котором решительно ничего не понимал, нажал кнопку на радио-микрофоне, вытянул «петлю» вперед.

– В ЦЕРНе сталкивают протоны в 26 километровом ускорителе огромной мощности, – почесал за ухом Юра, – и то говорят, что черные дыры врятли могут там образоваться. А вы создаете их здесь, извините, в томографе?

– Черные дыры повсюду, их образуют взаимодействующие параллельные вселенные, однако они живут мало, в нашем представлении. Для того чтобы загнать в эти черные ворота протоново-нейтронный мячик, нужно максимально замедлить его движение. Потом прицелиться и выстрелить. Я добиваюсь этого с помощью заморозки частиц до температуры абсолютного нуля, потом резким нагревом плазмой до 25 000 градусов. А стреляю магнитно-резонансной, гравитационной пушкой.

– Хм, но если мне не изменяет память, температура абсолютного нуля, то есть, минус 273 градуса по Цельсию недостижима, – вскинул брови Липатов, – как недостижима скорость света!

– Кто вам сказал, Эйнштейн? – ухмыльнулся инженер, впервые проявив какие-то эмоции. – Этот пройдоха – авантюрист, обокравший Пуанкаре и Лоренца? Представление о Вселенной, основанное только на общей теории относительности – ложное. Хотя, многое там верно.

– Я, конечно, не специалист по квантовой физике, – пожал плечами Юра, – но общаюсь по работе, как понимаете, со многими видными учеными. В прошлом году имел счастье беседовать с профессором университета ТАФТСА Кеном Олумом, так вот он утверждает, что попасть в будущее, это чисто техническая задача. Понятно, нужно только достичь околосветовой скорости. Что же касается прошлого, то привычная материя, состоящая из частиц и излучения, для такого перемещения совершенно не подходит. Нужна материя иного рода, обладающая отрицательной массой. Квантовая теория поля допускает ее существование. И теоретически задача разрешима с помощью определенных конфигураций квантовых полей, обеспечивающих отрицательную энергию на всем протяжении замкнутого пространства. Но создать такую конфигурацию невозможно.

Инженера не смутила научная осведомленность журналиста, более того, как показалось Юре, он стал смотреть на него более уважительно и заинтересованно.

– Мне доводилось читать работы Олума, – ответил Олег Евгеньевич. – По его мнению, отрицательную энергию нельзя создать по причине, так называемой, усредненной нулевой энергии. То есть во Вселенной отрицательная энергия всегда компенсируется положительной и чтобы мы не делали, отрицательную материю мы не получим, а значит и не сможем переместиться в прошлое. Да, в нашем мире плюсы и минусы уравновешены, причем, насколько вы успели заметить, не только в физике, но и в обычной жизни. Это основной закон природы, по которому мы живем. В параллельных же вселенных действуют законы прямо противоположные нашим. Основная задача – отправить в параллельный мир нейтроны и протоны нашей Вселенной. Мне удалось ее решить. Частицы, несущие полную информацию об объекте, быстро ориентируются в ином пространстве, находят похожие на себя частицы. А попав в объект со сверхсветовой скоростью, изменяют его по образу своему и подобию. Делают таким, каким он существует здесь.

Диалог между журналистом и инженером продолжался еще долго и Петя Бестужев, которого на даче ждала молодая жена и бутылка водки, затосковал:

– Давайте ближе к делу, ваш аппарат работает или нет, мы можем прямо сейчас кого-нибудь куда-нибудь переместить? А потом уже, если захотите, вернемся к теории.

– Зачем бы я стал вас приглашать? – поправил шейный платок изобретатель-инвалид. – Пожалуйста. Кто желает стать первопроходцем?

– Берите наименее ценного члена экипажа, – заржал продюсер, – корреспондента. Только, насколько я в курсе, ваши подопытные тараканы после перемещения во времени оказывались в кухонной раковине. Где мы потом будем искать Юру?

– В опытной системе я использовал совсем другой метод перемещения. Ну-с, господин журналист, вы готовы?

Вяземский подошел к томографу, поправил прозрачную клеенку на ложе-транспортере, на которую, как понял Юра, нужно было лечь.

В горле Липатова сразу запершило. Он не ожидал подобного развития событий. Нет, не испугался, но как-то нелепо и глупо все это выглядело.

– Вы что же меня заморозите, а потом нагреете до 25000 градусов?

– Не беспокойтесь, я возьму у вас лишь капельку крови. Остальное все будет как при исследовании на МРТ, подсоединю датчики, задвину вас в колбу. – В какое время желаете отправиться?

Юру не покидало чувство абсурдности происходящего, поэтому за него ответил продюсер:

– Отправьте его в октябрь 17-го, пусть предупредит Временное правительство о заговоре большевиков. Липатов терпеть не может коммунистов.

– Такие расстояния для меня пока недостижимы. До 20 лет назад, пожалуйста. И потом, я уже объяснял, можно попасть в пространство-время, в котором ваши частицы найдут похожих на самих себя. То есть во время, где ты когда-то находился, жил.

– Значит, Ленина с Троцким сдать полиции не удастся, – попытался пошутить Липатов. – Кстати, а вы на себе испытывали машину?

– У меня нет помощников, а кто-то во время перемещения обязательно должен находиться за компьютером. Так в какой год и день желаете отправиться?

Ладно, пусть это будет неудачной шуткой, решил для себя Липатов и успокоился. В конце – концов, профессия требует жертв. Время? В какое же время я хотел бы попасть и что-то там исправить?

Не далее, как утром Юра проснулся и сразу вспомнил об Алле Борецкой. Теперь она ведущая популярной политической программы, а тогда, в 90-е работала вместе с ним на Ново-

стях. Нет, он ее не любил. Любила его она и каждую минуту говорила об этом. Юру это очень раздражало. Он любил ассистентку режиссера Юлю, которая совсем не заслуживала его чувств. Время это доказало. Расстались они с Аллой навсегда 19 сентября 1996 года. Эту дату Липатов помнил очень хорошо. Он пришел сильно выпивший на встречу с Аллой в летнее кафе на Пятницкой, наговорил ей кучу гадостей. Что именно, не помнил, но после его оскорбительной тирады она встала, тяжело вздохнула и ушла. Больше Алла ему не звонила. Он ей тоже. Теперь он видел ее только по телевизору и иногда мечтал встретить, так, невзначай и попытаться склеить разбитую чашку. Через 16 лет. Маловероятно, но чем черт не шутит?

– 19 сентября 96 года, – ответил он Вяземскому. Да, а в каком месте я окажусь?

– Вероятно, в Москве, а уж где точно, не берусь сказать, по прибытии разберетесь.

– И насколько часов Липатов исчезнет, долго его будем ждать? – поинтересовался продюсер, снова вспомнивший о водке.

– Перемещение через временной барьер микромира и возвращение обратно займет доли секунды, мы даже этого не заметим. Ведь частицы журналиста полетят в прошлое быстрее скорости света. Напомню, что от Луны до Земли свет долетает за полторы секунды, преодолев 384 000 километров.

– Счастливого полета, Юра, – помахал рукой продюсер, не натвори там, в 96-м, чего-нибудь. А то весь пространственный континуум нарушишь. Вернешься, а тут нет ни нас ни тебя, вот смеху-то будет.

– Слова какие умные выучил, заметки в Пионерскую правду можешь писать, – проворчал Липатов, забираясь на транспортер и ощущая себя полным идиотом. Разнесется ведь весть об этом дурацком эксперименте по Останкино, во все горло народ гоготать будет. Но чего не сделаешь ради любимой профессии.

Инженер велел Юре настойчиво думать о том дне, в который ему предстоит отправиться, чтобы помочь частицам заранее сориентироваться. Аккуратно проколол палец медицинским шприцем, набрал немного крови, удалился. Вернувшись, подсоединил к голове, рукам и ногам датчики. Над самым Юриным носом висел видеорегистратор, фиксировал все происходящее. Липатов хотел сказать что-то ироничное по поводу себя на прощание, но транспортер пришел в движение и он оказался в абсолютной темноте. Тихо. Заложило уши. Неожиданно перед глазами вспыхнул красный огонек. Зажмурился, а когда открыл глаза, транспортер уже выдвигался обратно.

В подвале горел тусклый свет. Инженер, оператор и продюсер стояли у погасшего экрана монитора.

– Ну как там, в 96-м? – спросил, ухмыляясь, Петя.

– Что?

– Не парься, фокус не удался, электричество кончилось.

Сделав шаг навстречу Юре, Вяземский развел руками:

– К сожалению. Наш поселок часто отключают от энергии. Я перешел на автономное питание, но его недостаточно для продолжения эксперимента. Придется отложить путешествие.

Олег Евгеньевич не назвал дату, когда можно будет приехать снова. Обещал позвонить. У Юры язык покрылся горечью, как с тяжелого похмелья. В груди ныло, кололо. Было жаль не столько потерянного времени, сколько себя. Тоже мне, опытный журналист, а позволил провестись за нос какому-то инвалиду-изобретателю. Срывая с ног и рук датчики, он кипел негодованием. Чтобы я еще раз связался в телефонный разговор с каким-нибудь чудаком!

Попрощались с инженером быстро, сухо. Ирна же провожала съемочную группу не только до машины, но и потом, когда уже двинулись по грунтовке, бежала рядом до самых последних домов поселка. Собака как бы извинялась за хозяина.

– Славная девочка, – помахав ей рукой из окна, сказал продюсер. – Чего загрустил, Липатов? Подумаешь, машина не запустилась! Ты что, в самом деле, надеялся попасть в 96-й год? Глупости, сам же понимаешь. А так материал есть, изобретатель сконструировал мощный генератор холодной плазмы, с помощью которой собирается перемещать во времени частицы вещества. Во! Даже я понял. Желтизна, конечно, но агрегат есть, и в интервью он складно говорил. Чего тебе еще надо?

Вообще-то, действительно, больше ничего и не надо, внутренне согласился с продюсером Юра. Сюжет нарисую минут на пять без проблем. О черных дырах народу опять напомню, о сингулярности, о микромире. Хм, а неплохо было бы все же сгонять в 96-й, кое – чего подправить. Однако, прав Петя, если в прошлом что-то изменить, неизвестно еще что из этого получится. К тому же инженер не объяснил, как собирался возвращать мои протоны с нейтронами обратно. Застрянут еще в двух мирах и я вместе с ними. Впрочем, глупости все это.

Мысли его переключились на Аллу Борецкую. Столько лет прошло, а не могу себе простить, что натворил тогда в сентябре. Интересно, а она переживает? Или хотя бы вспоминает обо мне? 96-й, много тогда чего было. Первая чеченская война закончилась, марсианский аппарат в океан упал...

Пролетающий за окном машины мир мало волновал Юру. Возвращались по Кольцевой. Он рассеянно глядел на дорогу, по которой, как ему показалось, отчего-то много бежало автомобилей отечественного производства. Откуда они вдруг повылезали? Как в глухой провинции. А «японцев» почти не видно, если и попадаются, то все старые какие-то модели. Когда подъехали к Дмитровке, Липатов не поверил глазам. Перед эстакадой, слева по ходу движения, он не увидел длинную желтую коробку магазина «Рио». Да и развязка была какая-то не такая. Даже зажмурился, встряхнул головой, а когда открыл глаза снова, все было на месте. Видимо, летняя духота, да и этот инвалид еще голову глупостями заморочил.

Как вспомнил о Вяземском, на языке опять появилась горечь. Тьфу, черт меня дернул поддаться на провокацию. Никаких больше машин времени, вечных двигателей, гиперболоидов на воде из холодильника.

Дома выпил сразу два бокала красного вина и лег спать. Утром, еще не побрившись, сел писать сюжет. Нужно было закончить с этим делом быстрее, чтобы после полудня уехать на дачу. Текст решил отослать Пете по электронной почте. Пусть сам озвучивает и с кем хочет, монтирует, а я и так уже свой план перевыполнил.

96-й год, интересное все же было время, молодое, – на секунду закрыл глаза Юра, а когда открыл, то с удивлением увидел, что перед ним не ноутбук от Asus, а монитор от старого компьютера. И текст на нем вовсе не о чуде-изобретателе из Востряково, а о предстоящем подписание мирного договора в Чечне. Что за черт? И диван старый и телевизор. Встал, размял суставы, сделал несколько поворотов корпусом в разные стороны, зажмурился, встряхнул головой. Все опять стало прежним. Черт, лечиться электричеством пора или голубыми медузами.

Пошел бриться. Набрosal на лицо лимонной пены, растер, прислонил к щеке бритву. Седеющие виски, морщины на лбу и по краям глаз. Да, слишком быстро вращается Земля вокруг солнца. Никуда не денешься. А тогда, в 96-м... И зачем я наговорил Аллочке гадостей?

Раздался звонок городского телефона. Опять реклама или опрос, поморщился Юра. Ему уже давно никто не звонил по домашнему телефону. Решил не отвечать, но звонок оказался настойчивым.

Роняя на пол пену, вышел на кухню, взял трубку.

– Н-ну, слушаю вас? – неприятливо ответил Юра, сплевывая на пол пенную гадость.

– Ты чего нукаешь, Липатов? – возмутилась трубка голосом Аллы Борецкой. Ее голос он узнал бы из миллиона, из миллиарда голосов. Сгреб со рта пену, швырнул на стену, опустился на табуретку. Ну, уж кого-кого, а Аллочку он не ожидал уже услышать никогда в жизни. – Впервые, здравствуй, – продолжила трубка, а во-вторых, где тебя черти носят?

Юра замычал что-то нечленораздельное.

– Выпил что ль с утра?

– Нет, – наконец произнес Юра. – Зачем?

– Не знаю. Ты сегодня, до которого часа работаешь?

– Ну...

– Я по тебе очень и очень соскучилась, люблю тебя безумно.

И опять нахлынули на Юру давно забытые неприятные чувства, связанные с постоянными признаниями Аллы в любви. Теперь он уже понимал, что его тогда раздражало: он не верил словам Борецкой, считал их пустыми. Так оно и вышло, по-настоящему любящая женщина никогда не уйдет от мужчины, каких бы гадостей он ей не говорил.

С ума, что ли, сошла Аллочка, или сама напилась? 16 лет прошло, а она звонит, как ни в чем не бывало и еще нагло интересуется, не выпил ли он? Ну да, раньше частенько прикладывался к рюмке. Бывало сильно. А попробуй, работая на Новостях, каким-то образом не расслабляться. Каждый журналист это делает по своему, но мой организм требовал именно этилового спирта. На работе, ни капли, табу. А с похмелья, бывало, в присутствие приходил, каюсь.

– Чего молчишь? Короче, жду тебя в 5 часов в летнем кафе на Пятницкой улице. Как-то заходили туда, пиццу итальянскую кушали, помнишь? Эх, люблю пожрать! – засмеялась Аллочка.

Конечно, Липатов помнил кафе на углу Пятницкой и Климентовского переулка рядом с Минатомом, но, кажется, его давно закрыли. Во всяком случае, пару недель назад, проезжая мимо, он кафе не видел. Или просто не обратил внимания? А Аллочка действительно любила покушать. Ела все, что под руку попадалось. Поначалу пугался – уж не беременна ли она, а потом понял, что это естественное ее состояние – тащить в рот все съедобное и не очень.

– Так будешь? Есть серьезный разговор.

Липатов растерялся. Он так ждал подобного развития событий, что не мог поверить в реальность происходящего. Обычно, когда на что-то сильно надеешься, ничего хорошего не происходит. Странно.

И потом, сдаться без боя или все же покривляться для приличия? Нельзя женщине сразу уступать, тем более Борецкой. На голову Аллочка не залезала никогда, но пыталась часто. Любит понукать и командовать, хлебом не корми.

– Если настаиваешь, – осторожно переложив всю ответственность на Борецкую, ответил Юра, – тогда буду.

– Настаиваю! Люблю тебя, очень соскучилась.

Юра разжал руку, выпавшая трубка грохнулась на кухонный стол, замигала всеми прозрачными кнопками. Не удержал равновесия на табуретке, у которой давно уже еле держалась ножка, ударился головой о полку. Зажмурился.

Вот это номер, вот это процесс эволюции, не ожидал! Что интересно понадобилось Аллочке? Может, с работы выгоняют, ко мне в контору решила пристроиться? Но откуда она знает, где я работаю? Лицом на экране не свечусь. Ах, ну да, в титрах научной передачи моя фамилия и голос закадровый. Да и телевидение слухами полнится, в Останкино же профессиональные сплетники работают. Потом Интернет. Все равно странно, хотя и приятно. Может, все же удастся что-то исправить, спустя 16 лет?

В 4 часа Липатов выскочил из дома, предварительно вылив на себя полфлакона Attimo от Salvatore Ferragauis, чуть ли не побежал к метро, до которого было рукой подать. Надел все новое – плотную хлопковую куртку «Camel» цвета хаки на кнопках, клетчатую рубашку в синюю клетку, светлые слаксы, ботинки от «Саламандры». Начинать новую жизнь, так с чистого листа.

На машине решил не ехать. Застрянешь в пробке и прощай опять Аллочка Борецкая. Интересно, какой она стала? На экране все не то, телевизор не передает многих оттенков живого. Да и грима на ведущих, как на потолке штукатурки, на улице встретишь, не узнаешь.

На Третьяковке купил «Парламент», выкурил сразу две сигареты, прикурил третью, двинулся по переулку в сторону Пятницкой. Шел медленно, прижимая левую руку к дико бьющему сердцу. Вот и храм Климента. Сразу за ним, справа должно быть летнее кафе. Странно, почему я не видел его месяц назад? Вероятно, просто было не до него.

Однако и теперь, идя вдоль железной ограды церкви, он не разглядел за ней никакого кафе. Во всяком случае, не видно было пестрых зонтиков, возвышающихся над забором. Сердце окончательно упало, когда миновал ограждение храма. Кафе отсутствовало. Может быть, Алла имела в виду другую забегаловку? Но какую? Приходили же именно сюда! Да и нет здесь больше ничего, только у Новокузнецкой.

Потоптался перед лужайкой, свернул на Пятницкую, к метро. Черт, и номер мобильного телефона забыл у нее спросить.

Прошел метров 50, опять остановился. Нет, конечно, я в тот день был пьян и довольно сильно, но все помню до мелочей. Борецкая сидела за третьим столиком справа от входа в кафе с бокалом белого вина. Перед ней стояла большая тарелка с миндальными орехами. Одета была в белую кружевную блузку, поверх которой висела крупная золотая цепочка с золотым же кулоном в виде подковы, украшенной маленькими красными камнями. Я еще тогда подумал – вот дурра, вырядилась как торгашка, и с кем я только связался, нет, определенно нужно расставаться с этой мадам! Да, именно золотая цепь послужила детонатором. И еще помню запах подгоревшего мяса. Точно, у трактирщиков сгорел шашлык на мангале, они бегали, лопотали чего-то по-азиатски, а публика веселилась.

До Липатова долетел запах подгоревшего мяса. Покрутил носом. Ветер приносил его со стороны переулка, с которого он недавно свернул. Резко развернулся на 180 градусов, пошел в обратную сторону. За крайним домом осторожно выглянул за угол.

Не может быть! На лужайке, где минуту назад ничего не было, теперь стояло летнее кафе. За третьим столиком сидела девушка в белой блузке. Лица, конечно, он не разглядел, но готов был биться об заклад – это Аллочка. Ну а кто же еще! Подобрался ближе. Точно, Аллочка, причем ничуть не постаревшая.

Закрыв глаза, встряхнул головой. Видение не пропадало. Что происходит? Сразу за углом теперь банк, а тогда было старое заброшенное здание с выбитыми стеклами. Решительно повернул на Клементьевский, застыл. Дом такой же, как и в 96-м, без окон! И машины, опять полно советских машин. И люди одеты не так как сейчас, проще, темнее. Та-ак, если это не сон, значит...

Вот черт, неужели этот доморощенный Герберт Уэлс все же отправил вчера какой-то мой протон в прошлое, иначе, почему я вижу то, что давно исчезло? То вижу, то не вижу. Если это все же так, могу ли я общаться с ушедшим миром? А Борецкая, звонила из прошлого или настоящего? Вот ведь бином Ньютона.

Остановил прохожего, спросил который час, потом попросил закурить. Папироса нормально прикурилась, и никотин от нее оказался вполне обычным, действенным. Затряс головой, словно конь на водопое и даже стукнулся головой о стену облезлого дома. Но старый мир не исчезал. А будь, что будет!

Встал сбоку от входа в кафе, перед табличкой с меню, втягивая обеими ноздрями дым подгоревшего шашлыка.

– Эй, Липатов, – помахала рукой девушка в белой блузке, похожая на Аллочку, – чего встал как богатырь на перепутье, заходи не стесняйся, я тебе Пожарских котлет заказала.

Идти так, так идти. Собрался, набрал в легкие воздуха, сделал шаг и тут... увидел самого себя, направлявшегося к Аллочке бодрой, слегка раскачивающейся походкой. Себя да не себя,

а такого, каким был в 96-м. Молодым, крепким лицом и телом, в вельветовом кремовом пиджаке и таких же кремовых слаксах. И с неизменным замшевым портфелем на плече. Вот так встреча. Это ему, то есть мне молодому, Борецкая машет рукой.

Пригнулся за густыми кустами акации, которые тянулись вдоль всего забора, напряг слух. Раздался звук разбивающегося стекла. Точно, я тогда случайно смахнул графин с водой с соседнего столика. А сейчас Аллочка скажет, что я опять...

– Опять ты пьяный, Липатов. Несколько часов назад трезвый же был. Впрочем, что я говорю.

– Не пьяный, а выпивший, подумаешь, чуть-чуть.

– В твоём возрасте или уже умирают от водки или бросают пить.

– Какие это наши годы? – нетрезво вскинулся молодой Юра, – И потом, я выпиваю, только когда иду к тебе, потому что мне с тобой скучно. Ты меня на работе хоть раз пьяным видела? То-то.

– Достаточно того, что со мной ты вечно пьяный.

– Повторяешь слова своей мамы, которая уверена, что я пью каждый день. А вот сообразить, что меня давно бы выгнали с Новостей, если бы даже похмельный запах учуяли, она не может. К тому же я тебе не навязываюсь, сама прилипла как прищепка. Сколько раз говорил – не нравится, не надо.

– Но я же тебя люблю, очень люблю, – взяла его за руку Аллочка. Липатов капризно высвободил ладонь.

– Не верю я тебе.

Так. Сейчас слово за слово и я скажу, что такой глупой и пустой бабы я никогда в жизни не встречал и все, она уйдет. А, нет, сейчас еще в туалет схожу и по дороге у стойки махну рюмку текилы. Без закуски.

Прежний Юра тяжело встал, расправил плечи и, не извинившись, двинулся вглубь кафе. Аллочка, не обернувшись, закурила, устало глядя в одну точку.

Липатова что-то подхватило, будто ураганным ветром. Не думая о последствиях, вбежал в кафе, вихрем к столику Аллы, схватил ее за плечо. Она вытаращила глаза. Сейчас закричит. Но Борецкая кричать не стала, только засмеялась тем заразительным, но не совсем естественным смехом, каким умела смеяться только она.

– Ты только что.... Через забор, что ли перемахнул, Липатов?

Подмены не заметила, выдохнул Юра, значит и меня она видит таким, каким я был раньше. Странно все это, но сейчас не до рассуждений. Выдернул ее из-за стола.

– Скорее, пойдем!

– С ума сошел, что случилось?

– Потом, да не упирайся же!

– Деньги. Я еще не расплатилась.

Из кармана Липатов выгреб кучу бумажек, кинул на стол, спохватился. Тогда деньги были неденоминированные. С тремя нулями. Их аннулировали, кажется, в январе 98-го. Интересно, конечно, какие деньги увидят официанты, старые или новые, но опыт лучше провести в другом месте. Забрал купюры.

– Он и заплатит.

– Кто «он»? Да объясни же, наконец!

– Некогда.

Подхватил Аллочку, почти вынес на руках из заведения, не оглядываясь, побежал с ней по Пятницкой. Так и неслись метров двести. Она не упиралась, лишь тяжело дышала и иногда принималась хохотать. Заметив ряженого швейцара у хохлятской корчмы «Хуторок», свернул в предупредительно открытую дверь, приземлился в дальнем углу зала за плетеной перегородкой.

– Ты объяснишь, что происходит?

– Не беспокойся, не белая горячка, – произнес Юра, внимательно слушая свой голос. Такой же, как раньше? Впрочем, голоса, кажется, никогда не меняются и какая, в сущности, разница, меня-то Аллочка воспринимает прежним. Или нет? – Скажи, я не изменился... за эти пару минут?

Аллочка прищурила глаза, наклонила голову, секунд десять молчала.

– Изменился.

У Юры закололо сердце. Сейчас начнется. А что начнется он и сам не знал.

– Изменился, – повторила Борецкая. – Ты вдруг совершенно протрезвел, даже не пахнет. Как тебе это удалось?

– Ну а в остальном?

– Хм. Нос на месте, глаза такие же голубые. Остальное еще не проверяла, – слегка прикоснулась она мыском туфли к его внутренней стороне бедра. – Почему ты утащил меня из кафе, кого-то с работы увидел?

Да, Аллочка была любвеобильна во всех отношениях. Даже чрезмерно. Могла заниматься сексом где угодно и когда угодно.

– У них там газовый баллон загорелся, – соврал Липатов, – мог рвануть. У тебя ко мне был серьезный разговор.

Подошел официант, положил две книжечки меню. Липатова очень заинтересовало, сможет ли он есть пищу и будет ли она усваиваться в его желудке. И вообще, насколько вписывается он я в этот давно изменившийся мир?

– Можно я тебя поцелую? – вдруг спросил он Аллочку.

Борецкая опять залилась смехом.

– Ты же не любишь целоваться, Липатов, даже в постели.

Не дожидаясь позволения, перегнулся через стол, взял Борецкую за голову, припал к губам. Целовал не слегка, а тяжело, взасос. Отчетливо ощутил ее вкус и возбуждение. Приятное тепло разлилось и по его телу. Материальный контакт прошел успешно.

Принесенные пельмени в жирной сметане тоже оказали вполне полноценное воздействие на организм. Были ароматны и вкусны.

– Ты хотела о чем-то поговорить, – снова напомнил Липатов.

– Я хочу сделать тебе предложение. Почему не спрашиваешь какое? Ладно, не напрягайся. Женись на мне.

Юра подавился пельменями, схватил первую попавшуюся емкость, хлебнул еще и крепкого уксуса. Обожгло горло, потекли слезы, но Алла не торопилась вставать, хлопать его по спине. Кроме того, она даже не улыбнулась. Сплюнув в салфетку пельменину, Липатов утерся носовым платком и как только смог говорить, четко ответил:

– Я согласен! Двумя руками и ногами.

В это время за широким и чистым окном ресторана Юра увидел знакомую фигуру. И ни кого – нибудь, а самого себя. Молодой Липатов нервно топтался возле входа, размахивал руками, разговаривал сам с собой.

Потерял Аллу и теперь ищет ее по всей Пятницкой. Пьянь болотная, зло подумал про себя Юра. Иди отсюда, езжай на Алтуфьевку, выпей еще и ложись спать. Только бы по мобильнику не позвонил. А, тогда их еще ни у меня, ни Аллы не было. Пейджеры были. Только бы по пейджеру трезвонить не начал. Стоп, но я не помню, чтобы носился в поисках Борецкой по Пятницкой, значит, я уже изменил пространство, ход Истории! И потом, ладно, я женюсь на Аллочке, предположим, даже через два часа, потрясу в Загсе удостоверением, уговорю, а этот-то, откуда о женитьбе узнает? Да если и узнает, наговорит опять Борецкой гадостей и все опять насмарку! И что я получу, вернувшись в 21—1 век? Э, так не пойдет, что-то не срастается, нужно срочно обратно, посоветоваться с Вяземским.

– Когда пойдем подавать заявку? – сложила губки трубочкой Аллочка.

– Что?

– Жениться когда будем, сам же согласился.

– А... жениться. Надо подумать, шаг серьезный. Давай завтра обсудим.

Бросился в уборную, затряс перед зеркалом головой.

– Все, все, пропади старый мир, – произнес в голос, – натворю дел, непонятно кем окажусь в настоящем времени. А мне, если разобраться, сейчас совсем неплохо. Не надо как лучше, надо как положено. Но ты же сам хотел изменить прошлое! Мысленно хотел, мало ли о чем мы мечтаем, но не думал, что это станет реально возможным!

С размаху, закрыв глаза, ударился несколько раз о кафельную плитку. Из кабинки вышел мужик украинской наружности в косоворотке, крикнул:

– И не говори, брат, знатную тут горилку подают, во времени потеряться можно. А у меня еще экскурсия на Ивана Великого. С детства мечтал на самую высокую московитскую колокольню забраться. И плюнуть оттуда от души, ха-ха.

Осторожно приоткрыл дверь в зал. Аллочка по-прежнему сидела за столом с пельменями. Московитская колокольня, стучало в мозгу Юры, причем здесь Иван Великий? Бежать, бежать, поговорить с Вяземским. Потом, можно и вернуться. От нервов закурил.

Незаметно пробрался к выходу, выскочил на улицу и столкнулся лоб в лоб с самим собой. В прямом смысле. В глазах потемнело, посыпались искры. Горящий окуроч, размазавшись по лицу, обжег веки, нос, губы. А прозрев, Юра ничего вообще не понял.

Какой-то мужик в красном армяке, лаптях и высокой меховой шапке пер по грязи деревянную телегу с бочкой. Сбоку скрипучей телеги висел огромный деревянный черпак, ручка которого влачилась по земле. Из отверстия в бочке валил пар. Бородатый мужик ругался, вытирал со лба пот рукавом. Левое колесо телеги поднялось на ухабине, затем провалилось в яму. Мужик забрался еще крепче, снял с телеги дрын, принялся высвобождать колесо, да одному было не под силу. А тут еще всадник в синем кафтане и желтых сапогах, обдал его жижей из лужи. Умчался, даже не обернувшись. Другой наездник, в таком же кафтане и с алебардой за спиной, остановился, придерживая за узды взмыленного коня. Что-то сказал мужику, тот, видимо, огрызнулся, за что получил плеткой по спине. Тут же вынул из-под тряпицы на телеге два пирога, протянул всаднику. Стрелец, а никаких сомнений не было, что одет наездник был именно как стрелец, надменно принял пироги, один надкусил, довольно кивнул, хлопнул каблуками по крупу коня, поехал прочь.

На деревянной церквушке, возле которой сидел нищий ободранец, ударили в колокола. Негромко, но настойчиво. Где-то за деревянными заборами откликнулся другой звонарь.

Что за чудо? – почесал ушибленный лоб Липатов. Ясно, что фильм снимают, но не видно ни камер, ни съемочной группы. Это же не Пятницкая улица, наверное, с черного хода вышел в Черниговский переулок. Обернулся, чтобы вернуться в ресторан, и похолодел. Никакого «Хуторка», одни заборы, частоколы и деревянные дома, скорее сараи, с покатыми односторонними крышами. Кругом кучи мусора, расползшаяся гниль после дождя. И отвратительный запах тухлой капусты, браги, мочи.

– Чаго встал аки вкопанный, – обернулся на Юру мужик, – подмогни что ли, аль нехристь ты голландский? А похож ведь.

Юра сглотнул, и сам не понимая почему, двинулся в ботиночках от Саламандры по грязи. Ухватился за левый борт телеги.

– Ну, давай, брашна мало ел что ли? – ворчал мужик.

– Даю, не видишь?

Телега с бочкой была неподъемной, но ловко орудуя дрыном, не без усилий Липатова, мужику удалась поставить колесо на дорогу, мощенную кое-где неструганными бревнами. На всю мостовую, вероятно, дерева не хватило.

– Слава Богородице, – перекрестился мужик, уставившись на Юру. – Ты откуда такой драный взялся, в беду попал, али от своих отстал?

Липатов дико обвел себя взглядом, все вроде бы на месте – куртка из модного салона, слаксы, портфель замшевый опять же.

– Какую эпоху снимаете, наверное, смутное время? Я тоже кинематографом хочу заняться, телевидение, если признаться, давно надоело, вырос из телештанишек. Телевидение – ремесло, кино – искусство. Кто у вас режиссер?

– Чаго? – нахмурился мужик. – Ты, видать, умом ослаб с досады. Уж не жар ли? Ладнось, аз не упырь какой злобный, возьму тебя на пару дней к себе, будешь моим сбитнем на белом посаде торговать. Подкормлю, так и быть, а ешо, может, и пару копеек дам. Там, глядишь, и твои земляки найдутся. Ну, согласный что ли?

Не успев открыть рта, Юра получил в руки половину пирога, машинально откусил. Вроде ничего, с мясом и луком, только пресноватый.

– Ну, так впрягайся, али будешь дальше галок считать?

И опять не понятно почему, Юра послушался, взялся за жерди телеги, потащил ее по жидкой грязи, подбрасывая портфель на спине. Мужик помогал толкать бочку сзади. Чуть дальше мостовая наладилась, стала почти полностью мощеной крепким, правда, скользким деревом. Когда вышли на Водоотводный канал, Юра оставил телегу, прислонился, чувствуя упадок сил, к дереву. Вот тебе и съемки!

За островом, на противоположном берегу Москвы-реки на холме возвышался белокаменный кремль. Возле холма и низкого моста – лодки, учаны и ладьи с белыми парусами. За ними, на валу и рядом – посады, полные, это было видно издалека, народу. Посады курились синим дымком, над ними вились черные стаи птиц.

Что сие значит? Вяземский, инженер-кибернетик недоделанный, обещал ведь только в 90-е годы отправить, да и туда, по-человечески, переместиться не удалось, электричество кончилось. Однако и в 96-й попал, а теперь вообще, бог знает, куда занесло. Белый кремль... Его построил, кажется, Дмитрий Донской, а при Иване III уже начали возводить стены из красного кирпича.

Сразу как-то в глаза и не бросилось, а потом разглядел – за белыми стенами не было колокольни Ивана Великого, вместо нее – пузатая церковь с несколькими серебряными куполами. Как бы год уточнить?

– Скажи-ка, любезный, а кто теперь в кремле сидит, великий князь или государь? – развязно спросил Юра мужика.

– Знамо государь, как его теперь все величают, Иван Васильевич, – напрягся сбитенщик, – а ты, часом, не из новгородских людишек будешь?

– Верно, из новгородских, – ничего не подозревая, соврал Юра. – Из него, из великого града прибыл. Волосы светлые, глаза голубые, настоящий варяг – русич, не видишь что ли?

– Птенец Марфы?! – округлил глаза мужик.

– Кто-кто?

– Республиканец, не иначе. А то аз гляжу, кафтан али немецкий, али новгородский. Разбил вас воевода Холмский на Шелони шесть лет назад, опять ползете, аки муравьи. Ну-ну, – промышчал сбитенщик.

От Болотной набережной по деревянному мосту через Москву – реку пробивались еле-еле. Разномастная толпа не давала проходу. Торговали все и всем чем только можно: лаптями, армяками, кушаками, ложками, глиняными игрушками. Не злобиво переругивались по поводу цены, били по рукам, обнимались, пили из синих стеклянных фляг. Кругом нищие – кто в цепях, кто в веревках, а один и вовсе сидел совершенно голый, расчесывая на ногах синяки и язвы. Юра словно попал в театр. Не удивлялся, не проявлял никаких эмоций, был уверен,

что все это скоро исчезнет и нужно как следует запомнить древние картины. Сбитенщик ни с кем не заговаривал, хмуро подталкивал телегу, что-то бормотал себе под нос.

Сквозь толпу, наставляя народу синяки мощным крупом черного коня, по мосту проехал всадник. На пригорке Васильевского спуска спешился, забрался на деревянный помост, развернул длинную грамоту, начал читать. Толпа потянулась к глашатаю, обступила. Отпустив телегу, мужик махнул Липатову рукой, мол, стой здесь, направился к сборищу. Глашатай был одет в зеленый камзол с золотыми пуговицами, красные сафьяновые сапоги, на голове была легкая шапка с меховым обкладом. Лицо серьезное, сосредоточенное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.